С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь

77 02/168

А. И. Литвинов

77 02/168

МАЙСКИЙ ПРОРЫВ IX армии в 1916 году

С 3-мя схемами.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПЕТРОГРАД. — 1923.

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. И. Литвинов

77 62
Т 58
259.

МАЙСКИЙ ПРОРЫВ

IX армии в 1916 году

С 3-мя схемами.

ПЕТРОГРАД
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
1923.

15525
9/X 1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Введение 5

I. Положение IX-й армии весною 1916 года: 9

а) Состав армии, ее численность и боевая готовность.

б) Состояние вооружения пехоты и артиллерии; размер боевых запасов.

в) Состояние позиций IX-й армии.

г) Продовольствие и санитарное состояние войск IX-й армии.

II. Задача, поставленная Юго-Западному фронту и, в частности, IX-й армии. 26

III. Описание района боевых действий IX армии 31

IV. Силы и расположение австрийцев перед фронтом IX-й армии 41

V. Боевые действия IX-й армии с 22 мая до конца июня . 46

VI. Действия конницы IX армии 63

VII. Результаты всей операции IX-й армии и выводы. . . 74

Приложение 1-е 84

ВВЕДЕНИЕ.

В задачу автора входит обзор боевых действий только IX-й Армии за время операции, общеизвестной под названием „Майский прорыв". Этот очерк можно рассматривать лишь как часть общей истории мировой войны. Набросанное здесь должно войти в общую работу, которая может быть выполнена рядом сотрудников, по известному плану и под единым руководством.

В целях же единства и цельности впечатления от всего огромного труда по истории мировой войны, приходится хотя бы крупные эпизоды отдельных операций ограничивать определенными рамками, не захватывая ни области общих стратегических вопросов, ни деятельности других армий, ни, наконец, службы тыла.

К весне 1916 года Юго-Западный фронт—во главе с новым Главнокомандующим—генерал-ад'ютантом Брусиловым прочно занимал ту линию, на которую он отодвинулся частью добровольно, частью под давлением противника. Линия эта простиралась на 400 верст от Пинских болот на севере, до румынской границы на юге и была занята четырьмя армиями, входившими в состав фронта: VIII-ю — генерала Каледина, XI-ю—генерала Сахарова, VII-ю—генерала Щербачева и IX-ю—генерала Лечицкого. Не представляя собою какого-либо определенного, естественного, прочного рубежа с

известными стратегическими или тактическими выгодами, она была занята большею частию случайно. К рассматриваемому времени расположение армий фронта представляло 3—4 ряда укрепленных позиций, из которых особенно первая, ближайшая к противнику, не была позицией, заранее подготовленной и укрепленной по заранее обдуманному плану. В большей своей части это был плод случайного творчества тех войск, которые первоначально на ней осели и затем, сменяясь, постепенно совершенствовали ее по своему усмотрению или по указаниям свыше. Остановившись добровольно или под давлением противника на какой-либо местности, в противоположность немцам, мы не трудились намечать и систематически укреплять какую-нибудь по близости лежащую выгодную оборонительную позицию в тылу случайно-занятой, на которую и перешли бы по ее готовности, а закапывались, так сказать, на месте, стараясь потом частично примениться и исправить недостатки, расплачиваясь за это изобилием лишней работы и напрасными потерями.

За зиму, IX-я армия, как и вся русская армия в целом, отдохнула, оправилась во всех отношениях и оперилась. Тяжелые воспоминания о наших неудачах, постигших в 1915 году, улеглись; недостатки, их вызвавшие, были в большей мере устранены. В армии ожили дух бодрости и надежды на скорый переход в наступление. Особенно это было заметно на Юго-Западном фронте, где перед армиями стояли австрийцы, столь блестяще побежденные в недавнем прошлом. Уверенность в сравнительно легкой победе над ними особенно прочно коренилась в тех войсках, которые хотя бы однажды имели перед собою германцев. Частые перегруппировки на нашем бесконечно длинном фронте перекидывали корпуса с одного конца его на другой, и поэтому на Западном, Северном и даже Кавказском фронтах были части, испытавшие свои силы и вкусившие сладость победы над австрийцами и желавшие еще раз иметь их предметом

своего наступления. Весть о переброске кого-либо на Юго-Западный фронт с восторгом встречалась теми, до кого она касалась, и с завистью их соседями. Надо было видеть—с какою бурною радостью войска любовались видом розовых дымков от разрыва австрийских снарядов, и даже на участках, заведомо занятых германцами, появление такого розового дымка, при разрыве снаряда в воздухе, вызывало убеждение, что германцы куда-то ушли и на их место поставлены австрийцы, с которыми сладить будет куда легче.

Конечно, на Юго-Западном фронте знали, что победа и над австрийцами дается не дешево, но недавние блестящие над ними победы, уверенность в себе и вера в непременный успех наступления всегда здесь господствовали, а тем более теперь, после томительно проведенной зимы и при наличии ясных признаков нашего общего выздоровления от тяжелых недугов, вызвавших отход на нынешние, всем наскучившие позиции.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов, прославившийся своим победоносным наступлением во главе XIII-й армии, внушал войскам фронта надежду на неотложно-предстоящее новое наступление и твердую уверенность в непременном успехе всякой наступательной операции под его руководством.

На состоявшемся 1-го апреля в Ставке совещании главнокомандующих, выяснилось, что и сам генерал Брусилов твердо верил в повелительную необходимость наступления, полную готовность к нему армии и, конечно, питал надежду на успех. Его полный бодрости доклад произвел соответствующее впечатление на всех участников совещания; помимо других данных, подобный доклад, несомненно, способствовал решению перейти в наступление и в значительной степени умерил те опасения, которые сквозили в докладах других главнокомандующих, сократив те требования и сроки, на которых они настаивали.

Постановка главных оснований плана предстоящей большой операции была, конечно, уже вне зависимости от соображений того или иного из главнокомандующих и диктовалась общими стратегическими и политическими условиями положения русского фронта, но настроение, созданное докладом генерала Брусилова, не могло не оставить и на этой работе Ставки своего следа.

I. Положение IX армии весною 1916 года.

а) Состав армии, ее численность и боевая готовность.

В ряду успешных операций наших армий в войну 1914—17 годов „Майский прорыв" IX армии в 1916 г. вполне заслуженно должен занять выдающееся место. Как и все другие наши армии, IX-ая довольно часто меняла район своих действий и свой состав. В мае месяце, т. е. в тот момент, когда после совещания главнокомандующих в Ставке был выяснен вопрос о предстоящей крупной наступательной операции и определена роль каждого фронта и задачи каждой армии, IX Армия состояла из четырех армейских корпусов нормального двухдивизионного состава и одного кавалерийского корпуса, также двухдивизионного состава. Но, кроме того, в армии числились две пехотных дивизии, не входившие в состав ни одного из корпусов, и две конных дивизии, временами входившие в состав конного корпуса, но чаще придаваемые то к одному, то к другому из армейских корпусов по мере надобности. Штатных корпусов мирного времени было два—XI-й и XII-й, которые сохранили в своем составе свои основные дивизии по организации мирного времени, т. е. 11-ю и 32-ю, 12-ю и 19-ю. XXXIII-й армейский корпус из 1-й и 2-й Заамурских дивизий был сформирован уже во время войны из личного состава нашей пограничной железнодорожной стражи в Манчжурии. XII-й корпус имел в своем составе только одну штатную составную дивизию—3-ю Заамурскую, другая же дивизия,

74-я, вошла в его состав только недавно перед тем, в мае месяце. Две свободные от корпусной организации дивизии, 82 и 103, были сведены в особый Сводный корпус только перед самым началом операции.

Кавалерийских корпусов у нас в мирное время перед войною не существовало, и они возникли уже после начала войны. III-й кавалерийский корпус, числившийся в IX-й армии, обычно состоял из 10-й кавалерийской и 1-й Терской казачьей дивизий, но к нему неоднократно присоединяли одну из свободных дивизий, т. е. 1-ю Донскую казачью или Туземную Кавказскую дивизии. Иногда Терская дивизия, наоборот, отходила от корпуса для действий при каком-либо из армейских корпусов. Кавказская Туземная дивизия была шести-полковая, остальные дивизии были обычного четырех-полкового состава.

Во главе IX армии стоял генерал Лечицкий, один из тех военачальников, который вынес из Русско-Японской войны 1904-5 г.г. выдающуюся боевую репутацию, хотя следует добавить, что почти всю войну он проделал в должности лишь командира полка. В мирное время, к началу мировой войны, он занимал место командующего войсками Приамурского военного округа в Хабаровске, откуда и был вызван в действующую армию на должность командующего IX-й армией. С этой армией в составе Западного фронта он участвовал в начале войны в наступлении, а затем и в отходе за Вислу, после чего со своим начальником штаба, взятым им еще из Хабаровска, был отправлен на Юго-Западный фронт, где и принял в командование армию, хотя и того-же номера, но другого состава.

Генерал Лечицкий и в мирное, и в военное время проявил себя начальником неутомимой энергии и твердой воли. Современные условия командования армией, быстро меняющийся состав ее, как в смысле частой смены корпусов, так равно и в смысле быстрого изменения личного состава в частях, вследствии огромной убыли после каждого большого боя, в значительной мере парализуют личное влияние коман-

дующего армией. Но генерала Лечицкого знала вся наша армия и по русско-японской войне, и по началу нынешней кампании; благоприятное влияние его на дух IX-й армии стояло вне сомнений. К этому надо добавить, что вообще дух и настроение войск всего Юго-Западного фронта, а в том числе, конечно, и IX-й армии, несмотря на несчастный для нас исход наступления в Галиции, не взирая на другие отдельные неудачи и неблагополучия, всегда стоял высоко. Наступать и наступать—было здесь общепринятым лозунгом. Войска Юго-Западного фронта несли те-же, и даже быть может еще большие, тягости войны, как и на других фронтах; и победы стоили им огромных усилий и жертв. Но уверенность в победе всех окрыляла и заставляла забывать тяжелые условия окопной жизни, походов и боев в ожидании наступления и победы.

Корпусами в IX армии командовали генералы с боевой репутацией, установившейся уже в эту войну, равно и весь остальной командный состав прошел через испытания войны и обновился в лучшем смысле слова, так как на строевые должности, начиная с ротного командира, уже выдвинулись офицеры, успевшие зарекомендовать себя с лучшей стороны и проявить личную доблесть во многих боях. Что касается рядового офицерства, то надо признать, что оно качественно понизилось сравнительно с тем контингентом, которое выступило на войну. Наша система развертывания второочередных частей вырвала из основных частей большой процент кадровых офицеров, и таковых, как в старых, так и в новых частях, оказалось меньшинство. С примерной доблестью кадровые офицеры во всех боях шли впереди своих частей, нередко даже до командиров бригад, включительно, а потому и убыль среди них в боях была несоразмерно велика. К тому же мы допускали почти до самого последнего периода войны непростительную расточительность в расходовании офицерского состава в пехоте: мы допускали выход в каждый бой одновременно всех офицеров роты, которые, щеголяя храбростью друг перед другом, напрасно

и притом в большом числе выбывали из строя. Таким образом в 1916 году кадровые офицеры в полках пехоты считались уже редкостью, и главную офицерскую массу составляли бывшие прапорщики запаса, затем скороспелые воспитанники офицерских курсов и, наконец, элемент совершенно новый—бывшие наши подпрапорщики, фельдфебеля и унтер-офицеры, произведенные в большом числе за личную доблесть и распорядительность в боях по представлению полковых командиров. Несмотря на всю их, неоспоримо доказанную во множестве боев, храбрость и близость к своему брату-солдату, они не пользовались тем доверием и уважением, как офицеры кадровые.

Что касается унтер-офицеров, то и в отношении их мы были непредусмотрительно расточительны. Получив по мобилизации большое число старых унтер-офицеров и не имея возможности определить их на соответствующие им должности за излишеством, мы допустили постановку их в строй за рядовых, и большая убыль их в первых же боях лишила нас многих прекрасно подготовленных унтер-офицеров.

Хотя весною 1916 года унтер-офицерский кадр состоял из бойцов, выдвинувшихся личною храбростью, но за ними не было ни соответствующих знаний, ни подготовки в командовании своими подчиненными. Состав рядовых солдат также значительно изменился и притом не в лучшую сторону. Кадровых „старик о в“ осталось очень немного; к великому сожалению, выздоровевшие раненые возвращались не в свои части, а строевую подготовку пополнений далеко нельзя было признать достаточной.

Что касается кавалерии и, в особенности, артиллерии, сохранивших в большом проценте свой основной личный состав, с которым части выступили на войну, то их подготовка и дух были превосходны.

Численность IX армии видна из приложения № 1.

Из него явствует, что IX-я армия к началу наступления была доведена до полной штатной численности и, кроме того, имела в близком тылу готовых пополнений почти на половину своего состава. На первый

взгляд армия была обеспечена личным составом или, как было принято говорить в эту необычайно расточительную на людей войну,—„людским материалом". Казалось, его было вполне достаточно для проведения крупной и длительной операции. Из последующего обозрения однако будет видно, что потери какого-либо одного корпуса в двух-трех-дневном горячем бою выводили иногда из строя за такой короткий промежуток времени до 10.000 человек. Ясно, что без обеспеченного непрерывного притока пополнений из тыла, даже такая переполненная перед операцией армия должна была бы скоро оказаться малочисленной. Однако необходимо заметить, что, не смотря на небывалое развитие могущества артиллерии в условиях властного вступления в природу войны технических средств борьбы, увеличивших потери в людях до невероятных размеров, все же победа достигалась не числом, а качеством войск. В течение войны можно было наблюдать много примеров, когда четырехтысячный полк, оставшись в составе всего лишь трехсот человек, и тридцатитысячный корпус, сведенный боями до двух с половиною тысячного состава, геройски не только отстаивали свои позиции, но даже и наступали, выбивая врага из его позиций. При преобладающем духе бодрости и наступательном порыве, IX-армия могла смело смотреть на будущее и с тем числом штыков, какой у нее был к началу Майского прорыва. Она способна была выдержать, установленный опытом этой войны, тот двухмесячный срок крупной боевой операции, после которого операция замирала, так сказать, сама собою, независимо от успешности или неуспешности ее.

б) Состояние вооружения пехоты и артиллерии; размер боевых запасов.

Наша трехлинейная винтовка блестяще выдержала боевое испытание. В ряду винтовок, которыми были вооружены и наши враги, и наши союзники, она занимала, по крайней мере в глазах нашей армии, пер-

венствующее место. Несмотря на крайне неблагоприятные, для сохранения в исправности оружия, условия окопной обстановки, на трудность наблюдения за правильным уходом за винтовками, нередко—недостатком смазочного сала и, наконец, на несчетное число выстрелов,—винтовки в войсках были более или менее в порядке. Недостатка в них, собственно в строю, уже не было, но однако все нестроевые команды и все команды в тылу были вооружены австрийскими винтовками, которых на Юго-Западном фронте и в IX-й армии было очень много и, что особенно важно,—патронов для них было в изобилии. Что касается наших трехлинейных патронов, то расход их был так велик, что войска постоянно показывали некомплект в своих запасах и постоянно требовали пополнения. Наличие боевых запасов показано в нижеприводимой таблице. О том остром недостатке патронов, который во всех наших армиях ощущался в 1915 году и который нельзя было иначе назвать, как исключительным *бедствием*, конечно, в рассматриваемый период времени не могло быть и речи, но положение с винтовочными патронами все-же надо признать неблагоприятным. По свидетельству В. Н. Клембовского (б. начальника штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом) в его стратегическом обзоре данного периода войны, ежедневный расход винтовочных патронов по всему фронту, т. е. по четырем армиям, доходил до 4 миллионов при подвозе всего лишь одного миллиона в день.

Пулеметы являлись особенно алчными пожирателями винтовочных патронов. На войну мы выступили с восьмипулеметною командою на полк, но потребность в тяжелых пулеметах стала расти необычайно быстро, как в виду изобилия их у наших врагов, так и вследствие той роли, которая выпадала в эту войну на пулеметы. Как видно из таблицы, в половине мая 1916 года почти все полки имели пулеметов уже по крайней мере в полтора раза более, чем в начале войны; но можно с полной уверенностью утверждать, что в полках, в действительности, пулеметов было гораздо больше,

чем они показывали в своих официальных отчетах, и это в особенности верно для Юго-Западного фронта, где войска имели возможность брать австрийские пулеметы с боя почти в каждом столкновении и где австрийские пулеметы оффициально были допущены на вооружение многих пулеметных команд. Наш тяжелый пулемет, *системы Максима*, служил безукоризненно и очень высоко ценился войсками, но и австрийскому пулемету, *системы Шварц-Лозе*, войска отдавали должное и находили его также очень хорошим. Сами по себе штатные пулеметы поглощали в боях большое количество патронов, а имея в виду наличие в полках и нештатных пулеметов, приходилось еще и на их питание отнести значительный и неизбежный расход винтовочных патронов.

Если состояние винтовок было более или менее удовлетворительно, то состояние пулеметов было совершенно безукоризненно; пулеметчики относились любовно к своему могущественному вооружению, держа его всегда в полном порядке.

Артиллерия наша и по качеству орудий, и по личному составу стояла на высоте, но численно мы всегда тягостно испытывали перевес наших противников в гаубичной и, особенно, в тяжелой артиллерии. Как видно из таблицы состава IX-й армии, на всю армию на протяжении 75-ти верстного ее фронта имелось лишь 24 легк. полевых гаубиц и 47 тяжелых орудий разных типов при постоянно ощущаемом недостатке в снарядах и, особенно, в бомбах для тяжелых орудий, надобность в коих остро давала себя знать при всех предварительных расчетах по предстоящим операциям. Однако надо сказать, что эти теоретические предварительные расчеты, строившиеся по примерам французского фронта, всегда превышали действительную надобность, и наша артиллерия достигала желаемых результатов при значительно меньшем расходе снарядов. Так и в расчетах по предстоящей операции IX-й армии, командующий армией настоятельно доказывал необходимость для успеха операции довести запасы снарядов до небывалой у нас нормы на орудие,

на что главнокомандующий нашел нужным ответить через своего нач-ка штаба в приведенной ниже телеграмме, носившей лишь успокоительный характер.

Что касается состояния орудий артиллерии, то если судить по той интенсивной стрельбе, которую пришлось вести нашей артиллерии за все время войны, и по тому числу выстрелов, которое пришлось на каждое орудие, казалось, что мы пришли к пределу службы наших батарей и стоим перед грозной опасностью массового выхода из строя целых серий орудий за выслугою теоретически предназначенного им максимального числа выстрелов. Однако специальный, именно этими опасениями вызванный, осмотр всей артиллерии IX армии, выяснил неосновательность этих опасений и излишнюю осторожность тех теоретических норм числа выстрелов на орудие, которые указывались для службы орудий в мирное время—вся наша артиллерия могла продолжать с тою же доблестью служить и дальше, в полной уверенности в работоспособности своих орудий еще на неопределенный и, во всяком случае, далекий срок.

Состояние боевых запасов армии к 20 мая.

ПАТРОНОВ:				ГРАНАТ:			БОМБ:			
Винтовочных		Пулеметных								
русск.	австр.	русск.	австр.	русск.	япон.	горн.	морт.	6 д.	42″	120 п.
243	529	12000	12000	895	1015	457	396	1105	566	170
на винтовку.		на пулемет.		на каждое орудие.						

Примечания: 1. Японские легкие пушки имелись на вооружении Заамурских и 103 пехотной дивизий в их артиллерийских бригадах.

2. Винтовочных русских патронов в запасах армии значился в общем некомплект около 3-х миллионов. Всех же остальных боевых припасов числился больший или меньший сверхкомплект.

Для оценки преувеличенности требований командующих армиями перед каждой большой операцией и для сравнения с действительностью теоретических ра-

счетов по предстоящему расходу боевых припасов, считаю полезным привести в выдержке рапорт командующего IX-й армией на имя главнокомандующего Юго-Западным фронтом от 17 мая № 1391/1404;

„Рапортом моим № 1102 для выполнения операции я просил бомб для полевых мортир—5200, для 120-ти пудовых пушек—17000, для 6-ти дюймовых гаубиц—6000 и гранат для легких пушек—300000. В настоящее время в армии есть бомб для мортир—7500, для 120-ти пудовых пушек—7380, для гаубиц—3300, и гранат для легких пушек—99900. Самое необходимое дать бомбы для 120-ти пуд. пушек.

В настоящее время в армии имеется бомб для 120-ти пуд. пушек только по 170 на орудие—этого не достанет даже на один день.

Также мало бомб для 48 линейных гаубиц.

Поэтому прошу об увеличении запаса всех этих снарядов.

Генерал Лечицкий".

На этот рапорт последовал 22 мая, очевидно с доклада главнокомандующему, за подписью начальника штаба лаконический успокоительный ответ по телеграфу: „*Фронт получит еще 120-ти пудовые снаряды. Клембовский*".

Как будет видно из обзора военных действий IX-й армии, артиллерийская подготовка наступления длилась всего 7—8 часов, и наличных запасов снарядов хватило для блестящего начала операции, а при последующем обычном пополнении израсходованных снарядов—и для дальнейшего длительного периода ее развития. До просимой нормы, конечно, запасы армии пополнены не были, да и не могли быть пополнены. Эти расчеты составлялись по разосланным во все армии французским нормам, очевидно, для нас недоступным.

в) Состояние позиций IX-й армии.

Позиции IX-й армии к 22 мая тянулись на протяжении 85 верст от м. Латач на Днестре до м. Боян на Пруте, (схема 1) соприкасаясь на севере с пози-

циями VII-й армии, а на юге с румынской границей. В частности, позиции распределены были так: от Латач до д. Выгода стоял на протяжении 35 верст XXXIII-ий армейский корпус. На первых 15-ти верстах его окопы примыкали непосредственно к левому берегу Днестра, а затем на остальных 20-ти верстах от м. Усечко, сохраняя, в общем, направление по прямой линии на юго-восток, отходили от реки верст на 10—12. Здесь Днестр делает большую извилистую дугу к западу, и окопы по берегу его подвергались-бы продольному обстрелу с австрийского берега. Кроме того в центре дуги на нашу сторону были переброшены сильные предмостные укрепления г. Залещик, от которых и пришлось отодвинуться подальше. На протяжении всей этой дуги австрийские окопы были перекинуты на наш восточный берег.

Далее на юг, от д. Выгода до д. Онут, на 12-ть верст тянулись окопы XLI-го корпуса, перекинувшись у д. Колодробка на правый берег Днестра.

Еще южнее, по берегу ручья Роменцы на 8 верст позиция была занята XI-м арм. корпусом до деревни Гремешти, откуда прямо на юг, сначала лесом, а затем по левому берегу ручья Гукеу, на протяжении более 20 верст, тянулась позиция Сводного арм. корпуса. Наконец, последние 5 верст по левому берегу Прута окопы были заняты спешенными частями III-го конного корпуса.

При сопоставлении состава и численности корпусов с длиною занимаемой ими позиции обращает на себя внимание неравномерное распределение сил армии; но при ближайшем рассмотрении свойств местности и предстоящих корпусам задач, такая неравномерность окажется соответственной обстановке. На севере, участок XXXIII-го корпуса—самый длинный—имел пассивный характер, как для нас, так равно и для австрийцев. Мы, при желании наступать, должны были бы брать сильные предмостные укрепления города Залещик и форсировать Днестр, австрийцы же, имея возможность начать наступление с участка своих позиций перед дугой Днестра по обеим сторонам Зале-

щик, вынуждены были бы затем форсировать целый ряд довольно серьезных левых притоков Днестра, пересекавших пути дальнейшего наступления. Впоследствии, по ходу операции оказалось возможным еще более ослабить пассивную оборону этого участка, сняв с него одну пехотную дивизию для усиления соседнего XLI-го корпуса.

Сравнительно короткие участки позиций XII-го и XI-го арм. корпусов имели первенствующее значение, как для обороны, так, в особенности, для предстоящей армии наступательной операции. Наступающий противник встретил бы здесь благоприятные условия местности. Разрезывая фронт IX-й армии, он справа прикрывал бы свой фланг румынской границей, а слева течением Днестра, обходя все наши крепкие позиции по левым притокам его и имея впереди значительные хорошие цели наступления—Хотин и Каменец-Подольский. При нашем наступлении оба эти корпуса составили бы ударную группу для прорыва австрийских позиций.

Южная часть позиций, занятая Сводным и III-м конным корпусами, для наступления противника была неудобна: при отсутствии продольных дорог, он встретил бы здесь несколько левых притоков Прута, хотя и незначительных, но тем не менее все же очень способных задержать наступление. Наступление же по единственной здесь продольной дороге—шоссе Липканы-Боян было бы угрожаемо постоянной опасностью быть прижатым и к границе не воевавшей тогда Румынии со всеми политическими последствиями такого обстоятельства.

Позиции IX-й армии, как и всех других наших армий, состояли из 3—4 рядов окопов, идущих непрерывной ломаной линией в первом и прерывистыми, но тактически более правильно расположенными, в последующих. Перед первым рядом всюду имелись сильные проволочные заграждения в 4—6 рядов кольев, нередко в несколько полос. Тип окопов был один и тот же на всем нашем русском фронте: глубокая в 5—6 аршин глубиною и в 2—3 аршина шириною с частыми

траверсами траншея с невысокою, более или менее маскированной насыпью, с одиночными или групповыми бойницами-щелями для стрелков, в большинстве прикрытыми козырьками.

Путем разведки всякого вида, у нас имелись обстоятельные данные о позициях противника, а в мае месяце все корпуса организовали тщательную местную разведку важнейших фронтов австрийских позиций при помощи саперных офицеров, которые сопроводили свои отчеты по разведке более или менее обстоятельными чертежами и легендами *).

Конечно, эти рекогносцировки могли дать сведения только о передовых позициях противника, но эти данные очень удачно дополнялись опросом интеллигентных перебежчиков, и я приведу одно из этих показаний, как обстоятельно рисующее не только тот участок, с которого перешел перебежчик-кадет, но и нечто характерное для всех участков австрийских позиций перед IX-й армией.

„Позиция наша", говорит кадет 1-ой роты 23 ланштурменного батальона Душан Иованович, состоит из трех укрепленных линий. Вторая расположена за первой в 100 шагах, а третья в 500 шагах. Первая линия состоит из двух линий окопов, отстоящих друг от друга на 10 шагов. Глубина первой линии окопов 2 арш. от уровня земли, высота бруствера пол-аршина. Во второй линии бруствер достигает полутора аршин (двух-ярусная оборона). Перед первой линией имеются следующие искусственные препятствия: полоса проволочных заграждений из 4 рядов кольев, затем два ряда электрических заграждений. Далее полоса из 9 рядов кольев и засека из толстых срубленных деревьев. Перед засекой имеются окопы для полевых караулов, которые в свою очередь защищены 4-мя рядами проволоки. Полевые караулы имеют сообщение с 1-й линией по ходам под проволокой.

Хотя подробные указания по укреплению позиций на Юго-Западном фронте даны были начальником ин-

*) Дело № 55404 Пол. Отд. В.-Уч. Архива

женеров фронта, генералом Величко, уже после Майского прорыва, по изучении австрийских позиций в натуре, *) но и до этого времени позиции IX-й армии за некоторыми исключениями были укреплены более или менее удовлетворительно.

1 и 2-я линии соединены между собою ходами сообщений, приспособленными к фланговой обороне, и усилены заграждениями в 4 ряда. Между 1-й и 2-й линиями в ходах сообщений устроены углубленные на 5 ступеней убежища для спанья, каждое размерами в 3 шага.

Пулеметы помещаются в особых гнездах, вынесенных перед 1-ю линиею и имеющих обстрел на три стороны. На время артиллерийского огня пулеметы уносятся в особые пулеметные лисьи норы, связанные с гнездами ходами сообщений. Для укрытия людей от артиллерийского огня, за 1-й линией окопов, на глубине 6—7, аршин устроены лисьи норы на 36 человек каждая. 2-я и 3-я линии усилены проволочными заграждениями в 2—3 линии. Динамо-машина, питающая заграждения током, находится в лесу между 2 и 3 линией, углублена в землю на 4 аршина и перекрыта бетоном и стволами деревьев. За 3-й линией обороны расположена артиллерия группами по 4 орудия“ **).

Относительно козырьков у нас во всех армиях наблюдалось два совершенно противоположных взгляда: одни начальники находили их необходимыми для прикрытия стрелков от шрапнельных пуль и осколков, другие, преимущественно старшие, были против постройки козырьков, считая их даже опасными, так как были случаи обвала их от попадания в них тяжелых снарядов и гибели под ними десятков людей.

---

*) Указания эти отпечатаны были особой брошюрой под заглавием „Описание и критическая оценка укрепленных позиций противника против Юго-Западного фронта, взятых с боя нашими войсками в период с 22 мая по 1 августа сего года (1916) и вытекающие из того основы положения, коими следует впредь руководствоваться при укреплении позиций. Августа 22 дня 1916 г.“ на ней надпись Нач-ка инженеров армий Юго-Западного фронта генерал-лейт. Величко.

**) Дело № 55487 Пол. Отд. В.-Уч. Архива Штаба IX армии. Сводный арм. корпуса.

Кстати сказать, сами защитники окопов лучше себя чувствовали под козырьками и охотно их строили.

Эта разница воззрений отчетливо видна из приводимого ниже рапорта начальника 103 пех. дивизии от 27 апр. № 111 и резолюций на нем командира Сводного корпуса ген.-л. Промтова.

Конечно, в разгар весны, примерно в апреле месяце, когда от таяния снега ничем не одетые отлогости траншей неудержимо оплывали и когда при огромном протяжении окопов и слабом их занятии не было возможности привести их в порядок до просыхания почвы, позиции наши приходили в расстройство, что особенно беспокоило части, вновь занимавшие боевые линии. И в этом отношении является весьма характерным названный рапорт:

„Занимаемая частями командуемой мною дивизии (103-й пех.) позиция не удовлетворяет главному условию для обороны, так как важнейший элемент, делающий позицию годной для обороны—искусственные препятствия—если в полном смысле слова не отсутствуют, то имеются в таком виде, что их нельзя считать не только препятствиями для наступления противника, а скорее указанием для него, на какой участок нашей позиции он должен вести атаку. Перед фронтом целых рот нет не только проволочных заграждений, но даже иногда ни одной рогатки. Перед фронтом некоторых взводных участков поставленные когда-то рогатки или проволочные заграждения уже давно разрушены противником. Там же, где имеются проволочные заграждения или рогатки, они состоят из одной, редко из двух полос в два-три и редко четыре ряда кольев. Между нашими окопами и первой линией окопов противника имеются на многих участках следы старых ходов сообщений и окопов, которые совершенно закрывают для наших стрелков линии проволочных заграждений противника и, с другой стороны, дают противнику укрытие, пользуясь которым он может безнаказанно подойти к самым нашим заграждениям".

Против этого абзаца корпусной командир написал: *„посылать по ночам команды для уничтожения того, что мешает обстрелу“*.

„Окопы начаты хорошо, но совсем не закончены: бойницы могут быть исправлены, но козырьков устроить нельзя“.

Против этого места имеется резолюция командира корпуса: *„и не надо“*.

„Во многих местах окопы наши находятся в 30—50 и 100 шагах от окопов противника, и преимущественно на этих участках у нас или совершенно нет проволочных заграждений или же торчат остатки разбитых рогаток, тогда как у противника на всем фронте солидные искусственные препятствия. Последнее обстоятельство заставляет начальников боевых участков занимать их сильнее, вследствие чего полки боевой линии выделили в полковой резерв более одного батальона каждый, в дивизионном же резерве у меня имеется всего лишь один полк“.

Командир корпуса отчеркнул это место и написал: *„Такие резервы, как батальон в полку и полк в дивизии, считаю очень сильными, редко даже бывающими, и достаточными для отражения попыток противника наступать“*.

„Из вышеизложенного видно, что позиция дивизии не оборудована для упорной обороны, а между тем мне дан фронт протяжением свыше 15 верст. Вследствие этого прошу сократить фронт моей позиции“. По поводу этих соображений командир корпуса написал: *„Сократить невозможно. Тем крепче надо стоять“*.

Как следствие этого рапорта последовало распоряжение командира Сводного корпуса привести в порядок окопы всего корпуса; был установлен особый инженерный надзор и заведена отчетность. Очевидно, весною пострадали от погоды все участки позиций корпуса, но приводились в порядок по мере возможности. Кроме того, как видно из плана атаки Сводного корпуса, участок 103 пех. дивизии заведомо почитался наибо-

лее слабым, и его недостатки нельзя относить к другим частям позиции 9-й армии.

Конечно, мы отставали от наших врагов и в тактическом отношении, в смысле расположения и начертания самих окопов, и в чистоте отделки их, и в умеьи применить их к удобному, продолжительному в них пребыванию, но при условии нашего, почти всегда случайного, оседания на местности и нашей жизненной нетребовательности, наши окопы в большинстве были удовлетворительны.

По свидетельству бывш. нач. штаба главнокомандующего Ю.-З. фронта ген. В. Н. Клембовского, позиции Юго-Западного фронта были укреплены лучше, чем на других фронтах. Подтверждение этого мы можем найти в том обстоятельстве, что главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Брусилов лично перед Майским прорывом осмотрел часть позиций IX-й армии и, очевидно, был удовлетворен их состоянием, потому что в делах армии нет никаких приказов или других распоряжений, указывающих на какие-либо серьезные замеченные им недостатки в состоянии осмотренных позиций.

Позади первой линии окопов был устроен ряд убежищ от снарядов тяжелой артиллерии, однако не на все число защитников передовой позиции. И этот недостаток по свойству самой работы, требующей материалов, и неудобных почвенных условий, был наиболее трудно устраним.

К числу недостатков позиций надо также отнести малое число ходов сообщений, которые к тому же были очень узки и не имели ниш для расхождени идущих в различные стороны, что в особенности затрудняло переноску раненых по ходам. Кроме того из ходов сообщений было очень мало выходов (ступенек) наружу.

Вообще, относительно наших позиций надо отметить, что сколько ни отдавалось строгих распоряжений и подробных указаний по доведению их до желаемого совершенства, на них всюду лежал отпечаток времен-

ного их занятия в ожидании грядущего наступления. Не вполне удовлетворительному состоянию позиций много способствовала частая смена занимавших их частей при отсутствии постоянных хозяев.

г) Продовольствие и санитарное состояние армии.

Продовольствие армии в мае месяце вообще было поставлено хорошо, и к началу операции все носимые и возимые запасы имелись полностью. Кроме того, в армейских корпусах был запас продовольствия на 12 суток и мяса в живом скоте на 3 дня, кроме 74-й пех. дивизии, которая к этому времени имела скота лишь на один день. Фуражем армейские корпуса были обеспечены на три дня.

В III-м конном корпусе, при доведенных до нормы носимых и возимых запасах, имелось продовольствия на 8 дней и мяса в скоте на 9 суток. Фуража в запасе было на 3 дня.

При быстром наступлении армии и при порче всех дорог в тылу после нескольких дней сильного дождя, подвоз запасов к армии значительно замедлился, и большое удаление выгрузочной станции Новоселицы уже 6/19 июня заставило командующего IX-й армией отдать распоряжение о приостановке наступления некоторых корпусов до перенесения выгрузочной станции вперед на станцию Зучка, что, сокращая расстояния для перевозки запасов на транспортах и войсковыми обозами, дало возможность вновь продолжать наступление центральными корпусами с 15/28 июня. Эту 10-ти-дневную задержку наступления нельзя отнести полностью к расстройству снабжения, так как здесь имели место и тактические соображения, но, однако, надо отметить зависимость операции от порядка снабжения армии продовольствием и неблагоприятное влияние на состояние дорог в районе армии разразившихся во время наступления ливней.

Санитарное состояние IX-й армии было вполне удовлетворительно и, быть может, даже лучше, чем в

мирное время, чему способствовали хорошо поставленное продовольствие войск и постоянное пребывание людей на воздухе. Никаких эпидемических заболеваний к этому времени в армии не наблюдалось, и вообще болезненность была весьма ограниченная при отличном состоянии всех лечебных учреждений и хорошо налаженной эвакуации больных, требующих длительного лечения.

II. Задача, поставленная Юго-Западному фронту и, в частности, IX-й армии, подготовка к выполнению ее.

На совещании главнокомандующих, имевшем место 1-го апреля в Ставке, был предрешен вопрос о необходимости наступления; в общих чертах главнокомандующие были уже осведомлены о схеме предстоящей крупной операции. Вскоре после того, именно 11 (24) апреля, решение совещания было оформлено и вылилось в директиву верховного главнокомандующего за № 2017, которая в статьях, касавшихся IX-й армии, гласила следующее:

1. Общая цель предстоящих действий наших армий в наступлении и атаке германцев и австрийцев.

2. Главный удар будут наносить армии Западного фронта. Армии Северного и Юго-Западного фронтов оказывают содействие, нанося удар с надлежащей энергией и настойчивостью, как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника.

3. Западный фронт атакует противника из Молодечненского района, развивая удар в направлении Ошмяны—Вильна.

Северный фронт наносит удар или из района Иллукст—озеро Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск, или из района южнее оз. Дрисвяты, в общем направлении на Видзы—Уцяны.

Юго-Западный фронт тревожит противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками VIII-й армии в общем направлении на Луцк.

4-й пункт—касался только Северного фронта.

5. Время и порядок перехода армий в наступление будут указаны дополнительно, сообразуясь как с действиями наших союзников, так и с накоплением нами материальных, главным образом артилерийских запасов.

6.—касался линий разграничения фронтов.

7.—относился только до Ю-гоЗападного фронта.

8. Подготовку к операции закончить в начале мая, главным образом, в техническом отношении, в смысле накопления продовольствия и боевых средств, соответственного эшелонирования их, подготовки дорог, в отношении сближения с противником окопами по всему фронту.

Сосредоточение войск, сообразно с выработанным планом атаки, исполнить к указанному сроку в мере лишь крайней необходимости, дабы не обнаружить вполне своих намерений, не прикреплять войска к заранее предрешенным пунктам и не скучивать расположения частей. Этим будет достигнута не только возможность скрыть наши намерения, но и обусловить гибкость плана, применимость его к условиям местным после того, как просохнет почва.

9-ый пункт—говорил о необходимости иметь в виду возможность перехода в наступление противника и требовал энергичного ему отпора.

10. Время производства атаки будет указано заблаговременно, за 7—10 дней до начала. Этот период предназначается для выполнения окончательного сосредоточения войск, сообразно принятого плана.

11. Ввод в боевую линию новых войск на участках атаки производить по возможности перед самым производством ее. (Далее шли указания на французский способ скрытия цели атаки и требовалось привлечение внимания противника к некоторым пунктам, между прочим, к м. Латач на стыке XII и IX-й армии).

12—для ознакомления начальствующих лиц с их новыми районами предстоящих действий рекомендовалось командировать их туда для личной рекогносцировки их участков.

13. Верх. главнокомандующий воспрещает формирование импровизованных отрядов и изменения на время операции и перед началом ее в составе корпусов.

14—заключал в себе обращение к начальствующим лицам с требованием особого внимания к подготовке предстоящей операции и сохранения тайны.

Директива была подписана нач. шт. верх. главнокомандующего генералом Алексеевым.

Начало операции предполагалось во второй половине мая и, как можно судить по некоторым сноше-

ниям ген. Алексеева по части артиллерийского снабжения, длительность ее расчитывалась, примерно, дней на 20. Наступление должен был начать Юго-Западный фронт.

Совершенно понятно, что в армиях немедленно приступили к разработке соображений. Ко времени отдачи директив, или боевых приказов, все подробности были тщательно выработаны и достигнуто соглашение по всем вопросам, поэтому директивы и боевые приказы по этой операции явились лишь актами *формального об'явления* ранее известных положений.

День начала операции определился довольно поздно: очевидно, поджидали, когда подсохнут дороги, пришедшие весною в такое расстройство, что управление военных сообщений было бессильно быстро привести их в порядок и, кроме того, дать время на подготовку к операции на главном направлении, где требовались крупные перегруппировки и заготовка всяких припасов. Однако неуспехи на итальянском фронте вынудили генерала Алексеева 11 мая запросить главкоюза, когда он может начать наступление. Ген. Брусилов ответил, что может начать наступление 19 мая/1 июня и вслед за сим отдал 12 мая свою директиву, в которой задача Юго-Западного фронта распределялась между армиями в следующем виде: „*VIII армия наносит главный удар на фронте Дубище—Корыто XXXIX-м, XII-м—XXXII и VIII-м арм. корпусами—XI-я армия атакует VI-м арм. корпусом участок Глядки—шоссе Тарнополь—Гурно. VII-я армия наносит удар II-м корпусом и 3-й Туркестанской стрелковой дивизией на фронте Гипсарка—Новоселки. IX-я армия атакует участок Онут—Доброноуц*) XI-м и XII-м корпусами*". (*Схема 2-я*).

Как видно из двух приведенных директив, задача IX-й армии была не сложна и незначительна, хотя командующий армией несколько расширил фронт атаки и изменил состав ударной группы уже после об'-

*) Доброновце.

явления директивы главкоюза, тем не менее и подготовка к выполнению ее была также проста, требуя лишь небольших передвижений нескольких тяжелых батарей и одной дивизии к месту намеченного удара. Тяжелая артиллерия встала на свое место заблаговременно, а 19 пех. дивизия (XII-го корпуса) передвинулась за левый фланг XI-го корпуса перед самой атакой.

К тактической части подготовки надо отнести сформирование нового Сводного арм. корпуса и *расформирование* старого основного, кадрового, XII-го арм. корпуса. Нельзя применить другого термина к тому, что было сделано с этим корпусом: одна дивизия его, именно 19-я пехотная, были придана XI-му корпусу, а другая, 12-я пехотная дивизия, побригадно (без указания при какой должен остаться начальник дивизии) назначена в резерв главкоюза и в армейский резерв. Штаб XII-го корпуса оставлен совсем не у дел. И, наоборот, из 82-й и 103-й пех. дивизий образован новый корпус *Сводный*, и для него при начальнике 82-й пех. дивизии, генерале Промтове, составлен новый корпусной штаб.

О причинах таких переформирований, кстати сказать, категорически воспрещенных верховным главнокомандующим в основной директиве, можно лишь догадываться: повидимому, не хотели на пассивный участок ставить прочный кадровый корпус и сохранить хотя-бы и по частям его надежные дивизии для поддержки других, где то будет нужно по ходу операции. 30-го мая/12 июня Сводный корпус был расформирован, и уже одно это показывает слабость мотивов его создания. *)

Кроме перемещения тяжелых батарей и пехоты к месту атаки, была подтянута и другая бригада 1-й донск. каз. дивизии, стоявшая в резерве III-го конного корпуса у Новоселицы.

---

*) К началу намеченной операции XII-й корпус не имел командира корпуса, из-за выбытием одного и неприбытием к нему вновь назначенного, что также могло иметь влияние на решение ком. армией использовать дивизии этого корпуса в отдельности.

Что касается накопления запаса патронов для винтовок, пулеметов и артиллерийских орудий всех калибров, то, как видно из вышеприведенной таблицы, таковых было накоплено хотя и меньше, чем просил Командующий армией, тем не менее в числе, превышающем установленные у нас нормы. Только винтовочных патронов был некомплект, и очевидно пополнение его было вне зависимости от армии и от фронта.

Запасы продовольствия также были доведены до нормы, и если впоследствии пришлось приостановить наступательное движение армии, то не потому, что каких-либо припасов не было, а вследствие того, что подвезти их к далеко ушедшей от своей базы армии не было возможности. Ухудшившееся от дождей состояние дорог не позволяло расчитывать на подвоз транспортами, а потому и пришлось выждать перенесения выгрузочной станции поближе к армии.

В смысле тактической подготовки самих позиций, войска, их занимавшие, придвинулись окопами к неприятельским позициям на столько, что нигде подступы наши не были дальше 150 шагов от них. Было устроено несколько новых артиллерийских наблюдательных пунктов в окопах первой линии и были начертаны схемы расположения целей, по которым в точности пристрелены батареи и розданы всем соседним пехотным начальникам участков наших позиций. Была усилена связь и по фронту, и в глубину позиций; по возможности, линии ее были обезопасены от перерыва при обстреле наших позиций австрийцами, но, как видно из целого ряда телеграфных разговоров по прямому проводу штаба армии с корпусными штабами, связь часто нарушалась, и штабы нередко не могли определить места нахождения частей за перерывом связи с ними, что особенно часто наблюдалось после гроз и ливней, которыми изобиловал май 1916 года *).

---

*). Дело 55771. В. Уч. архив.

III. Описание района боевых действий IX армии.

IX армия весною 1916 года занимала фронт от линии Скала-Тлусте-Латач до линии Новоселицы-Боян, на румынской границе, и почти целиком была расположена в Буковине, которая вместе с южной частью Восточной Галиции и являлась театром предстоящих боевых действий армии. Растянувшись на 85 верст в указанных пределах, фронт впоследствии, по ходу наступления, распространился на 150 верст от г. Станиславов на севере, до г. Кымпуллунг на юге, придвинувшись вплотную к главному хребту Лесистых Карпат. Весь этот обширный плацдарм, в виде трапеции, раскинулся на восточных скатах Лесистых Карпат, более или менее полого сбегающих к долинам рр. Днестра, Прута, Серета и Сучавы. Как отроги Лесистых Карпат, разделяющие долины этих рек, так равно и самые долины террасами поднимаются по мере движения к югу. В северной части рассматриваемого района, скаты гор, постепенно понижаясь по мере удаления от главного хребта между рр. Днестром и Прутом, от г. Тысменица образуют уже низменную долину, переходящую и в нашу Подолию, между тем как южнее, долина р. Прута у Черновиц лежит уже на высоте более 400 футов, долина р. Серета у г. Серета—на высоте более 900, долина р. Сучавы у г. Радауц—на высоте свыше 1200 ф. и, наконец, долина р. Молдавы у Гура-Гумора—на высоте более 1440 ф.

Известково-глинистая почва с тонким слоем чернозема и местами нанесенного с гор песку дала возможность атмосферным осадкам округлить формы горных кряжей как в самых Лесистых Карпатах, так и на отрогах между рек. Из всей семьи Карпатских гор—Лесистые Карпаты, замыкающие западную границу района, наиболее суровы по своей природе и наименее

доступны для перевала через них, уступая в этом отношении лишь группе Татра. Однако эти свойства Лесистых Карпат лишь относительны; признать их непроходимыми даже в центральной, наиболее дикой, части нельзя; в качестве оборонительной линии для Венгрии они имеют также лишь относительные достоинства, служа только серьезной для противника преградой, преодоление коей мы потребовать лишь известного времени.

Район изобилует реками среднего и малого размеров, которые однако и по свойствам, и по направлению течения в большей своей части, при весеннем стоянии вод, не представляли серьезного препятствия для наступательной операции IX армии тем более, что время ее совершения приходилось на период спада вод после весеннего половодья.

Из крупнейших рек по району протекают: Днестр, Прут, со своим притоком Черемош, и Серет с притоками Сучава и Молдава.

Днестр, входя в расположение IX армии на крайнем правом ее фланге у Латач, около 20 верст составлял оборонительную линию XXXIII арм. корпуса, окопы коего тянулись по левому его берегу, непосредственно примыкая к реке. Затем извилистая дуга реки, верст на 20—30 по обе стороны г. Залещик, отходила от наших позиций верст на 10—15, а у г. Онут Днестр уже обоими берегами входит в район армии и, прорезав его насквозь, уходит в пределы России. При средней ширине в 50—60 саженей и глубине 5—6 фут. Днестр протекает по району армии в глубокой трещине с весьма крутыми берегами и мог-бы стать серьезным препятствием для наступления, но лишь одна пятая часть армии (XXXIII арм. корп.) стояла перед Днестром, остальная же часть (четыре корпуса) имела его за собой; а таким образом Днестр терял свое неблагоприятное для операции значение. Равно теряли свое значение и многочисленные довольно крупные его левые притоки, текущие с севера на юг, ибо все они протекали за фронтом армии. Правые притоки Днестра в районе армии мало-

численны и совершенно незначительны по своим размерам.

Р. Прут протекает по району от Коломыя до Новоселицы, имея, в среднем, ширину 15—20 саж, при глубине до Снятын 4—5, а далее, местами, 15 и даже 18 фут при наличии однако нескольких бродов, но как раз, ко времени подхода войск IX армии к Пруту, прошли дожди, и большая часть бродов закрылась, а мосты были взорваны или сожжены отступавшими австрийцами, что задержало переправу войск через Прут на несколько суток.

Р. Черемош—правый приток Прута, равный по ширине и глубине Пруту в верхнем течении, не повлиял на операции IX армии, потому что наступление от Снятын на Карпаты шло уже вдоль реки, а переправы, где то было нужно, совершались уже беспрепятственно вследствие отхода австрийцев.

Р. Серет со своими притоками Мал. Серет, Сучава и Молдава принадлежит району своим верхним течением. Все они перерезывали путь наступления армии от Черновиц к Кымпул-лунг и, кроме того, как раз у главных переправ (Сторожынетц, Чудин, Унтер-Виков и Гура-Гумора) правый южный берег этих рек командует левым и образует хорошие оборонительные позиции для отступающих. Но вследствие незначительности размеров этих рек, (ширина 20—30 саж. глубина 2—4 ф.), значение их, при полной возможности обхода позиции у переправ справа и слева, очень ограниченное.

Все названные реки, как берущие свое начало в Карпатах, в отношении разливов имеют обычный для горных рек характер: кроме всегдашнего весеннего в апреле м-це разлива, они вторично разливаются летом в июле вследствие таяния снегов в Карпатах. Наконец, еще раз все реки разливаются от осенних дождей в ноябре. Самый бурный и многоводный разлив — первый, весенний, когда уровень вод в реках поднимается до 2-х и более сажен, речные долины на огромных площадях сплошь обращаются в озера и грунтовые дороги становятся трудно проходимыми, а

местами и вовсе невылазными. Такой период бездорожья длится около $1^1/_2$—2 мес., но в первой половине мая реки входят в свои берега, почва просыхает, и грунтовые дороги приходят в нормальное состояние. Таким образом, ко второй половине мая, т. е. ко времени начала намеченной операции IX армии, весенний разлив со всеми его последствиями уже миновал и не мог задержать движения войск и их обозов. Второй разлив, летний, хотя и поднимал воды в реках на 6 и более футов, но и по размерам, и по краткости высокого стояния вод он для боевых операций не мог иметь большого неблагоприятного значения, тем более, что под'ем воды в реках, без выпадения атмосферных осадков, отражался лишь на менее благоустроенных переправах, т. е. на дорогах второстепенного значения, и на самых долинах рек в ближайшем к руслу расстоянии.

Наконец, третий, осенний, разлив хотя и с меньшим, чем весною, под'емом вод, но при наличии обычной в это время непогоды и размокании почвы, вновь и надолго, месяца на полтора, портил грунтовые дороги и в значительной степени затруднял всякие передвижения войск.

Такое же неблагоприятное значение для боевых операций могли иметь, и действительно имели в лето 1916 года, летние периоды дождей, приводившие в беспорядок грунтовые дороги и затруднявшие разведку, главным же образом, наблюдение за результатами артиллерийской стрельбы, сводя ее до бесполезной траты патронов. Эти летние дожди не имеют правильности и характера пассатов и случайным своим наступлением, а также неопределенной продолжительностью могут неожиданно нарушить расчеты, положенные в основу задуманной операции. Так и случилось в конце мая, особенно в июне м-це 1916 года, когда дожди начались как раз в день, назначенный для артиллерийской подготовки в соседней армии, и, прекратив работу артиллерии, заставили отложить наступление до конца непогоды со всеми неблагоприятными последствиями такой неожиданной отсрочки.

Обширные лесные пространства составляют отличительную черту района. Густым, высоким лиственным строевым лесом покрыты Лесистые Карпаты как по главному хребту, так равно и по скатам, почти вплоть до линии Станиславов — Коломыя — Черновиц—Гура-Гумора.

Почти все дороги, прорезая леса, представляют собою длинные лесные дефиле, и это свойство их, конечно, дает возможность обороняющемуся задержать наступающего сравнительно малыми силами. Эта характерная особенность местности по всем направлениям наступления IX армии должна была быть учтена ею, как явление, крайне неблагоприятное.

Путями сообщений район довольно богат, за исключением, однако, главного хребта Лесистых Карпат и ближайших предгорий, примерно, до линии Надворная—Кутты—Стража—Гура-Гумора, где кроме 2—3 дорог обычного грунтового типа, сообщение происходит лишь по горным лесным тропам.

Железные дороги по значению своему могут быть разделены на магистрали большого для предстоящей операции значения и под'ездные пути, второстепенные; так сказать, ветки местного значения. К первой категории надо отнести двухколейный путь от Новоселицы через Черновиц на север к Коломыя и далее через Делатын и через Карпаты на Ворохта, Ближниц в Венгрию на Сигет. Хорошо устроенный и богато оборудованный путь этот мог дать до 20 пар поездов в сутки и служить главной артерией сообщений Венгрии с Вост. Галицией и Буковиной. Он же провешивал надежную операционную линию для действий Австрии против нас и, наоборот, нашей армии для проникновения во внутрь Венгрии.

Левая половина этой же самой магистрали, отходя от Черновиц, спускается на юг вдоль бывшей румынской границы через Радауц на Сучава, не доходя до которой верст 20, поворачивает круто на запад через Гура-Гумора на Кымпул-лунг, Дорна-Ватра и через Карпаты на Быстриц и Колошвар во внутрь Венгрии. Эта часть магистрали имела также и для наших операций первен-

ствующее значение, служа другим надежным путем в Венгрию, но перевальная ее часть была построена недавно с большими трудностями, вызвавшими допуск более крутых под'емов и поворотов. Путь лишь в одну колею и оборудован значительно слабее, чем на северном участке той же магистрали.

К первой же категории железных дорог надо отнести участок пути от Залещик до Коломыя в две колеи, столь же капитально устроенный и оборудованный. Он в значительной мере мог облегчить подвоз войск и припасов к месту перехода через Карпаты.

Все остальные жел. дороги, проходящие по району, имели местное и для IX армии второстепенное значение. К числу этих дорог относится поперечная железная одноколейная дорога от Тлусте через Залещик до станции Лужан (в 20 верстах западнее Черновиц) и тупиковые ветки, отходящие от станций южной части описанной выше магистрали на запад к Лесным Карпатам. Таковы ветви от ст. Непоколоутц на Кутты; от ст. Глыбока на Майдан; от ст. Корапчин до Кошуя; от Радауц до Бродина; от ст. Паргоутц до Качика и, наконец, от ст. Вама до Русская-Молдавица. Не имея первостепенного значения для ведения наступательной операции, ветви эти однако могли сослужить большую службу, как ловушки для подвижного состава, который при захвате главной магистрали неминуемо застрявал на них и мог быть нам очень полезен, так как своего запаса подвижного состава узкой заграничной колеи мы не имели. Кроме того самые пути этих веток и их оборудование могли послужить запасом для восстановления пути на магистралях, в случаях порчи их отступающими, и для проведения новых линий, надобность в коих неминуемо обнаружилась бы по мере движения вперед.

Шоссированных дорог в районе сравнительно много, и они также имеют господствующее направление к тем же перевальным пунктам через Карпаты, к которым идут и магистрали жел. дорог. Исходным пунктом для всех главных шоссе является Черновиц, откуда они направляются на север четырьмя ветвями:

на Доброновце, Колодробка (обе к нашей границе) на Залещик и Городенка, на запад и юг тремя ветвями: на Коломыя и далее через Делатын и через Карпаты в Венгрию, затем через Сторожынетц на Гура-Гумора и третья ветвь вдоль румынской границы на Серет и Сучава, причем обе последние ветви от конечных пунктов поворачивают на запад и, соединившись в одну через Кымпул-лунг и Дорна—Ватра, идут на перевал через Карпаты в Венгрию.

Вдоль главного хребта Лесистых Карпат идет шоссе от Станиславов через Коломыя и Кутты до Серета и кроме того несколько более коротких веток местного значения. Все эти шоссе, при ширине около 6 метров и толщине щебеночной коры в $5^1/_2$ вершков, содержались всегда в отличном порядке, представляя собою во все времена года вполне надежное и удобное сообщение, на которое можно было расчитывать при всяких серьезных военных операциях.

Грунтовых дорог много, и они содержались сравнительно в порядке только до линии Коломыя—Кутты—Кымпул-лунг; к востоку от этой линии в предгориях Лесных Карпат хороших дорог только три: от Кутты на запад в горы долиною Черемош до Усть реки, откуда на Шибены идут уже две дороги долинами Черный и Белый Черемош и третья дорога от Усть-Путилла на юг вдоль реки Паталовка и вдоль Лесных Карпат на Селетин и затем долиною Молдавы на Кымпул-лунг. Кроме этих дорог в горах имеются лишь многочисленные лесные тропы, колесных же путей в горах через главный хребет между двумя фланговыми перевалами не было.

Несмотря на обязательные заботы о состоянии грунтовых дорог со стороны жителей, весною и осенью, а равно и после летних продолжительных дождей, дороги по свойству своего грунта приходят в расстройство и становятся неудобопроезжими совершенно так же, как и в соседней Подольской губернии.

Весенняя распутица в 1916 году наступила очень рано, и дороги, даже шоссейные, в районе IX армии пришли в такое расстройство, что вызвали большие

затруднения в движении транспортов и падеж в них лошадей. Управление военных сообщений не успевало приводить дороги в порядок, и в связи с таким угрожающим состоянием дорог план наступления в IX армии был выработан по двум вариантам—до просыхания дорог и после. Конечно, остановились на втором из них, т. е. отнесли начало операции на вторую половину мая, когда грунтовые дороги просохнут.

Что касается района впереди фронта IX армии, в котором ей предстояло наступать, то австрийцы приложили много труда, чтобы привести в порядок шоссейные и грунтовые дороги; по многим из них были проложены полевые узкоколейные жел. дороги с паровою или конною тягою. Равно и в горах некоторые тропы были разработаны для удобства передвижения по ним.

Население района представляет собою в малом масштабе ту-же самую смесь народностей, как и сама былая Австрия. Тут есть представители всех народов Австрии, но преобладающую часть составляют Русины, исповедующие православную веру и говорящие на вполне понятном для нас язык. В благоприятном их к нам отношении не было оснований сомневаться; но и другие народности района встречали наши войска с искренней радостью.

Два года войны со всеми тягостями истомили и разорили население; в приходе русских войск оно видело скорый конец этим бедствиям и давно желанное возвращение к мирному существованию, безразлично под чьим-бы то ни было владычеством. Особенно ярко можно было наблюдать радушное к нам отношение в городах, где торговля и жизнь немедленно и бурно оживали и где присутствие большого начальства всегда обеспечивало жителей от неизбежного своеволия и распущенности солдат, в особенности тыловых и обозных частей. Чрезвычайно характерным признаком для оценки отношений населения района к нашим войскам является тот факт, что IX армия, продвинувшись вперед на сотню верст и растянувшись по фронту на 150, не встречала надобности в охране

того огромного пространства, на котором она раскинула свой тыл в неприятельской, только что занятой стране, и лишь из одного донесения Командующего армией мы узнаем об его опасениях в этом отношении, очевидно лишь теоретического значения.

Население района, кроме городов, которых насчитывают более 15, живет в редких, но крупных поселках, которые однако вдоль рек часто тянутся непрерывной линией сел и деревень. Чем ближе к Лесным Карпатам, тем поселки реже. Такое распределение населенных мест неудобно для расположения на походе большого числа войск, коим предстояло двигаться по одной дороге и бивакировать в поле, не под крышей, со всеми последствиями в санитарно-гигиеническом отношении такого способа расположения. Очевидно, такое же бивакирование под открытым небом должно было выпасть на долю и войскам IX армии, но благоприятное весеннее и летнее время обещало предохранить их от возможных, неприятных для здоровья войск, последствий.

Что касается средств края и зажиточности населения, то в мирное время и Восточная Галиция, и Буковина могли почитаться весьма богатыми районом по обилию хлеба и по развитию скотоводства, как в отношении крупного скота, так, в особенности, свиноводства. Но два года войны с постоянным постоем войск, хотя и своих, но в достаточной мере бесцеремонных и к тому же часто плохо обеспеченных из своего тыла, разорило жителей и совершенно истощило их запасы, тем более, что операции IX армии приходились на весну и в первую половину лета, когда в мирное время у самого зажиточного населения запасы прошлого года уже истощены, а до нового урожая еще далеко. В виду этого на местные средства нельзя было, расчитывать и подвоз с тыла должен был быть хорошо и прочно налажен. Однако, все же надо отметить, что при быстром движении вперед и вполне возможной заминке подвоза, войска могли не голодать 2—3 дня, пользуясь местными средствами населения, не терпя бедствий.

Климат района—подобен климату Подолии: умеренно теплый и вполне благоприятный для жизни и для действий войсковых масс. Умеренно холодная короткая зима, наступающая лишь в декабре и оканчивающаяся в конце февраля или начале марта, столь же короткая, довольно непостоянная весна, не жаркое лето, среди которого знойные дни перемежаются дождями, особенно частыми в июле месяце, и, наконец, длинная сухая и благоприятная осень—вот характерные свойства местного климата.

В связи с таким климатом находится и благополучное в санитарном отношении состояние населения. Наиболее часто наблюдаемые среди населения и расположенных здесь в мирное время австрийских войск такие болезни как чахотка, лихорадки, дезинтерия, сифилис и трахома, но они никогда не имели характера эпидемий. Однако необходимо отметить, что в 1854—55 годах, когда Австрия сосредоточила в этом самом районе несколько арм. корпусов, всего до 200 т. человек, и в условиях неудобства размещения по квартирам вынуждена была расселить войска в землянках, гастрические заболевания, дезинтерия, тиф и холера получили широкое распространение среди скученных войсковых частей и вынесли за короткое время из строя 80.000 человек.

Равным образом и лихорадка при отсутствии предосторожности может развиться среди войск, так как заболеваемость ею постоянно наблюдается в долинах местных рек, особенно Днестра и Прута, по которым проходят главные пути движения войск и сосредоточено наиболее густо население края.

Сводя все данные обзора театра предстоящих боевых действий IX армии на весну и лето 1916 года, можно определенно сказать, что в свойствах театра армия не могла встретить каких-либо серьезных препятствий вплоть до линии Надворная—Кутты—Кымпул-лунг, т. е. до начала сплошных лесов на ближайших отрогах Лесных Карпат, центральная часть которых между двумя названными в обзоре хорошими перевалами, представляется если и не недоступной, то во

всяком случае совершенно неудобной для переброски в Венгрию крупных сил с артиллерией.

По достижению этой линии, наступающий должен был быть готов сосредоточить свои силы к тому или другому своему флангу или же при достаточной численности армии распределить ее для действий на обоих флангах через оба перевала.

Третий перевал—от Кутты на Шибены и далее через главный хребет тропою в долину р. Русскова, где от д. Русс-поляна идет уже дорога на д. Леордина, мог послужить для переброски отряда без артиллерии.

IV. Силы и расположение австрийцев перед фронтом IX армии.

Перед фронтом IX армии стояла VII австрийская армия ген. Пфлянцера со штаб-квартирой в Коломыя. От Латач до румынской границы насчитывалось 130 батальонов (у нас 160) и 95 эскадронов (у нас 117), а всего до 100.000 штыков и 10.000 сабель (у нас—154.000 и 17.000).

В подробностях, армия Пфлянцера состояла из следующих частей и занимала (схема 1-я) свои позиции в таком, начиная с севера, порядке:

1. От Латач до окрестностей Городенка—группа ген. Гадфи:

Маршев. бат-ны 3, 12 и 30 гонв. полков.
30 пех. дивизия.
21 гонведн. дивизия.
6 кавал. дивизия.

2. Южнее, до линии Котцман-Доброновце—группа ген. Бенигни:

51 пех. дивизия.
20 венг. ландв. полк.
42 гонв. дивизия.

8 кавал. дивизия.
3 кавал. дивизия.
Спешенн. части 3 кав. дивизии.

3. Еще южнее, до румынской границы — группа ген. Корда:

27 пех. дивизия.
97, 304 и 305 пех. полки.
202 пех. бригада.
40 гонв. дивизия.
5 пех. дивизия.
10 батальонов ген. Поппа.
Сборная группа ландштурмистов ген. Шульца.

Из самого перечня частей видно, что эта армия была *сборная, второстепенного значения.* Если же принять во внимание те огромные потери, которые австрийская армия понесла в 1914—15 и 16 гг. в многочисленных с нами боях, то с достоверностью можно утверждать, что даже основные первоочередные дивизии сохранили лишь самые незначительные кадры и имели в то время состав не только второочередной, но и третьеочередной. Некоторые же полки и даже целые дивизии, однажды уничтоженные полностью, были сформированы вновь, нося лишь старые номера. Однако же, несмотря на это, также как и у нас, приходится считаться с тем неоспоримым фактом, что, не взирая на многократную смену почти всего личного состава, старые основные кадровые части мирного времени обычно хранят в себе не гаснущий дух традиций и преемственности, которыми сильна всякая благоустроенная армия. Таких старых кадровых дивизий в армии Пфлянцера было 4. К числу более прочных частей австрийской армии надо отнести и венгерские гонведные части, каковых в VII австр.—армии было 3.

Все остальные части были, очевидно, случайного сборного состава и несомненно более слабы качественно. Подобные качества армии Пфлянцера ясно указывали на ту пассивную роль, которая на нее возлагалась и которую она должна была сыграть на общем фронте

наших противников. Очевидно было также, что, занимая сильную позицию и имея в тылу, кроме ряда промежуточных укрепленных позиций, Лесистые Карпаты, армия Пфлянцера должна была прочно прикрыть самую жизненную и болезненно чувствительную часть Австрии, Венгрию, но для этого она почиталась достаточно сильной.

Внимательное изучение распределения войск по всей позиции указывает, что главное внимание было обращено на южный участок, где, на небольшом сравнительно участке в 20—25 верст, были сосредоточены главные силы, в том числе 4—5 дивизий наиболее надежных, кадровых и гонведных дивизий. И это нельзя об'яснять близостью Румынии и необходимостью обеспечить фланг от румынской армии, потому что в более или менее раннем или позднем присоединении к нам Румынии у наших врагов в то время не было уже никакого сомнения. Это обстоятельство можно отнести лишь к сравнительной важности для Австрии того направления, которое VII австрийская армия должна была прикрывать, т. е. направления на перевал через Карпаты у Дорна-Ватра на Быстриц и далее внутрь Венгрии.

Что касается австрийских позиций, то они стали нам в подробностях известны после „Майского" прорыва, когда их можно было изучить в натуре.

Австрийская позиция перед фронтом IX армией представляла собою непрерывную линию окопов, соединявших между собою ряд более сильно укрепленных опорных пунктов, составлявших основу обороны данного участка и фланкирующих весь промежуток до соседних столь же основательно укрепленных узлов. Последние находились между собою в огневой связи и были расчитаны на то, чтобы удержаться даже после потери связующих их окопов первой линии и дать возможность отступившим оправиться, зацепившись за вторую или даже третью линию окопов, чтобы затем восстановить свое положение и выбить противника, ворвавшегося в первую линию.

На укрепление узловых опорных пунктов (схема 3-я)

австрийцы сосредотачивали особое внимание, и к числу сильнейших, доставивших нам наибольшие затруднения при наступлении, надо отнести прежде всего высоту 458 на опушке лесной группы между Доброновце и Кучурмик и затем м. Окна и м. Заставна. Еще более сильно были развиты в качестве опорных узлов предмостные укрепления у Залещик и Черновиц. Также задержал на некоторое время наше наступление (Сводного корпуса) опорный пункт на так называемой „Нейтральной высоте".

Позиция австрийцев представляла собою сплошную полосу окопов, состоявшую большею частью из трех основных линий, из которых первая была укреплена и оборудована необычайно заботливо, а вторая и третья линии уже много слабее. В тылу этой передовой полосы IX армия встретила целый ряд тыловых позиций, заранее подготовленных, но значительно уступавших первой в силе и законченности; часто эти тыловые позиции были только в одну линию окопов и с менее серьезными препятствиями перед ними.

Первая, излюбленная, так сказать, линия окопов передовой позиции и в тактическом отношении была распланирована весьма искусно в виде ломаной линии, давая возможность продольного обстрела угрожаемого участка соседями, для чего во всех исходящих и входящих углах были расположены тяжелые пулеметы под прочным закрытием от нашего артиллерийского огня. За первой линией окопов, шагах в 150, тянулась вторая, в которой преимущественно располагались убежища, обеспечивавшие от нашего огня тяжелой артиллерии, а равно и жилые блиндажи. В 400 шагах от этой линии протягивалась третья, непосредственно к которой примыкали отлично устроенные, безопасные и хорошо маскированные помещения командного состава и штабов. Вообще, австрийские окопы выгодно отличались от наших приспособленностью к жизни и обилием хорошо обдуманных и заботливо выполненных удобств для длительного в них пребывания.

Кроме сильных узловых опорных пунктов и начертания самих окопов с расчетом на взаимную флан-

говую оборону, первая линия разделена была на ряд отсеков, задерживавших распространие где-либо врага ворвавшегося в соседние участки.

Перед первой линией, часто в три полосы, шел непрерывный ряд сильных и прочно насаженных проволочных заграждений. Число рядов кольев в них нередко доходило до 15 и не было менее 4.

Укрепления первой линии носили характер исключительной прочности, законченности и оборудованности, чего совсем нельзя было сказать относительно следующих линий и тыловых позиций. Было очевидно, что центр тяжести всей обороны лежал именно на удержании этой первой линии, но это обстоятельство вместе с тем, при отсутствии приспособлений для перехода в наступление, составляло главный недостаток австрийской позиции. На Западном и Северном фронтах, где мы имели дело с германцами, занятие нами первой линии давалось сравнительно легко, но это еще совсем не обозначало ни прорыва, ни прочного успеха, ибо немцы первую линию занимали сравнительно слабо; главная борьба начиналась при занятии нами второй и даже третьей линии окопов, на силе и прочном занятии коих и зиждилась защита немецких позиций. Австрийцы же, теряя первую линию, уже становились лицом к лицу перед катастрофой, ибо, лишившись такой прочной и сильной линии, дрогнувшие защитники ее имели значительно менее шансов удержаться во второй и следующих линиях, на упрочнение коих сами же они не обращали должного внимания. Преимущественное внимание на защиту первой линии и торопливое очищение соседних с участком, случайно занятым противником, являлся недостатком, знакомым и нашей армии, но у австрийцев—некоторой гарантией против этого являлись именно эти сильные узловые опорные пункты. Совершенно естественно, что на парализование такого влияния этих узлов, на их занятие или по крайней мере совершенное обезврежение при помощи артиллерии надлежало обратить особое внимание.

Пути сообщения, а равно и связь, как в ближайшем тылу позиций, так и глубже к тыловым позициям,

были оборудованы очень хорошо: старые дороги шоссированы на большом протяжении, проложены новые, а к особо важным пунктам проведены полевые узкоколейные жел. дороги, иногда издалека, для подвоза снарядов, продовольствия и лесных материалов для позиционных работ. Телеграфами и телефонами позиции были снабжены в изобилии.

V. Боевые действия IX-й армии.

С 22 мая до конца июня.

$\frac{20 \text{ мая}}{2 \text{ июня}}$ Командующий IX-й армией отдал приводимый ниже приказ, которым точно определил начало „Майского" прорыва и всей вообще наступательной операции, намеченной Ставкой. (Схема 3).

„Австрийцы, переведя часть своих сил с нашего фронта на итальянский, повели там наступление. Дабы воспрепятствовать их дальнейшему усилению на итальянском фронте, главнокомандующий приказал нашим армиям перейти в наступление и атаковать неприятеля согласно разработанных в армиях планов. Во исполнение сего, я решил атаковать противника и, нанеся ему удар на южном берегу Днестра XI-м и XII-м корпусами, прорвать укрепленную позицию на фронте Миткеу—Онут—Доброноуц [1]) с целью овладеть высотами Дорошоуц [2]), Юркоуц [3]), Хорошоуц, корчма Коцюба. Приказываю: XI-му корпусу с приданной ему тяжелой артилерией, дивизионом 12-й артил. бригады, 19-й пехотной и 1-й Донской казач. дивизиями 22 мая атаковать неприятеля, прорвать его укрепленную позицию на фронте—высота 266 с крестом (что севернее кордона П), высота 218, что в 2-х верстах к югу, и овладеть высотами на фронте Похорлоуц [4]) Доброноуц; развивать успех в общем направлении на Юркоуц; правым флангом содействовать атаке XLI-го корпуса; при успехе самым решительным образом использовать приданную корпусу конницу, выбросив ее в общем направлении на Дорошоуц для захвата и разрушения находящихся

---

[1]) Доброновце (транскрипция 10 вер. карты. Изд. 1920 г.).
[2]) Дорошутц.
[3]) Юркутц.
[4]) Погорлутц.

там мостов через Днестр. 2) XLI-му корпусу с приданной ему тяжелой артиллерией, 22 сего мая, атаковать неприятеля, прорвать его укрепленную позицию на фронте Миткеу—Онут и, овладев хребтом на линии выс. 231 с крестом и 238, развивать успех в общем направлении на Окна; действовать в связи с XI-м корпусом. 3) XXXIII-му корпусу 22 сего мая атаковать противника на избранном корпусом участке, поддерживая тесную связь с левым флангом VII-й армии; в случае успеха атаки XLI-го корпуса и отхода противника на левом фланге корпуса решительно его преследовать, не позволяя безнаказанно отходить на южный берег Днестра. 4) Сводному корпусу активными действиями обеспечивать слева атаку XI-го корпуса; в случае успеха последнего, содействовать его наступлению решительными действиями своего правого фланга. 5) III-му конному корпусу удерживать во что-бы то ни стало занимаемые позиции. 6) Время начала артиллерийской подготовки—22 мая с рассветом. 7) Бригада 74-й пех. дивизии в Крживце и 1-я бригада 12-й пех. дивизии в районе Динауцы [5]) остаются в моем распоряжений, 2-я бригада 12-й пех дивизии с дивизионом артиллерии в районе Должок—Котелеу [6]) остается в распоряжении главнокомандующего. № 1475. генерал Лечицкий".

Согласно этого приказа, три пехотных дивизии (3-я Заамурская, 11-я и 32-я), имея четвертую (19-ю) в резерве, должны были атаковать и прорвать неприятельскую укрепленную позицию на фронте около 14-ти верст, причем правый фланг этой ударной группы, по взятии д. Миткеу, уперся-бы в Днестр, из-за которого ему не грозило никакой опасности; левый-же фланг, по овладении укрепленной позицией севернее опорного пункта на высоте 458, в непосредственной от него близости, должен был, так сказать, обтекать эту высоту, не атакуя ее, а выходя ей в тыл на корчму Коцюба.

Артиллерийская подготовка на всем фронте началась ровно в 4 часа.

В XXXIII-м корпусе в 17 час. 20 мин. (т. е. после 13-ти-часовой подготовки) 6-я Заамурская дивизия атаковала и взяла окопы 1-й линии в районе Хрумовского леса; успеху атаки много содействовал

---

[5]) Динавцы.

[6]) На сохранившихся картах не показана.

броневой автомобиль „Цесаревич", ворвавшийся в самый лес. К вечеру дивизия закрепила за собою занятую неприятельскую позицию.

В XLI-м корпусе, еще до открытия огня, особыми командами были проделаны проходы во многих местах на Самушинском участке и в районе Выгодского леса, а к 11-ти часам артиллерия совершенно разрушила все линии проволочных заграждений на Самушинском участке и затем сосредоточила свой огонь на опорном пункте участка у Молочная ферма.

В 12 ч. 30 м. пехота пошла в атаку и через час овладела всеми тремя линиями окопов на Самушинском участке, а к 15-ти часам 8-й Заамурский пех. полк, с ген.-м. Архиповичем во главе, овладел Молочной фермой и, выйдя в тыл укреплений Шлоса (Замка), захватил в них много пленных. К вечеру, части XLI-го корпуса заняли Миткеу и Онут и закрепились на отбитых неприятельских позициях.

В XI-м корпусе перед открытием огня, около 3 ч., была удачно выпущена газовая волна по высоте 272, а затем в 12 ч. 5 м., т. е. после 8-ми-часовой подготовки, по всему фронту корпуса начата атака неприятельских позиций, и через 20 минут 1-я линия окопов была уже захвачена частями 11-й и 32-й пех. дивизий, которые безостановочно стремясь вперед, под покровительством огня своей артиллерии, к 14 часам овладели выс. 272 (кроме самой вершины) а затем позднее — высотами 237 с крестом, 237, дер. Черный Поток, выс. 266 и корд. он П.

В течение дня были отбиты многочисленные и сильные контр-атаки австрийцев со стороны Доброновце и хут. Влайко. Сильный артиллерийский и пулеметный огонь со стороны опорного пункта на выс. 458 остановил наше дальнейшее продвижение, попытки же атаковать эту высоту не имели успеха, несмотря на то, что наша артиллерия сосредоточила по ней огонь своих батарей.

На правом фланге выдвинувшиеся вперед части XLI-го корпуса вошли в связь с частями XI-го корпуса.

Подтянутая к передовым линиям 19-я пех. дивизия занялась перелицовкой взятых корпусом неприятельских окопов, и к вечеру корпус закрепился на захваченных позициях.

За $\frac{22 \text{ мая}}{2 \text{ июня}}$ *XI-м корпусом взято более 7.000 пленных и несколько орудий. Всего же за этот день IX-й армией взято 11.640 пленных, 14 орудий и 18 пулеметов.*

Сводный армейский и III-й конный корпуса, кроме ведения артиллерийского огня, никакой активной деятельности за этот день не проявили.

В течение всего 27-го дня во всей армии было израсходовано 69.000 легких снарядов (половина гранат), 12.000 горных, 9.700 мортирных, 2.100 гаубичных 6", 850—42 лин., 4500 осадн. [1]*), 450—Канэ и 2,400.000 винтовочных патронов.*

Высота 458, остановившая наши успехи $\frac{22 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$ и задержавшая все наступление IX-й армии на 6 дней, до $\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$ представляла собою сильный опорный пункт, фланкировавший к северу половину атакованного участка почти до высоты 272. По приказу ген. Лечицкого № 1475, совсем не предполагалось атаковать эту высоту, и это обстоятельство обратило на себя внимание главнокомандующего еще при рассмотрении им плана атаки: $\frac{12}{25}$ мая через начальника штаба он спросил ген. Лечицкого, *когда предполагается атаковать эту высоту*? Ген. Лечицкий на другой же день, т. е. $\frac{13}{26}$ мая, ответил: *„Высота сильно укреплена и атакована не будет. Без тяжелой артиллерии атаковать невозможно. В период главной атаки она будет парализована артиллерией"*.

Как видно по результатам боя $\frac{22 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$ на участке XI корпуса, парализовать высоту 458 не удалось, и это тяжело отразилось на всем последующем ходе боевых действий

[1]) 6 д. 120 и 190 пуд.

корпуса. Однако из приказа командующего армией на $\frac{23 \text{ мая}}{5 \text{ июня}}$ не видно, чтобы положение дел на левом фланге XI-го корпуса у высоты 458 его тревожило; а из того, что он нашел нужным усилить одним полком 74-й пех. дивизии из своего резерва не XI-й, а XLI-й корпус, можно заключить, что ген. Лечицкий придавал особо важное значение успеху именно этого корпуса.

Приказ № 1506, отданный $\frac{22 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$ для боя на следующий день, говорит следующее:

„Сегодня (т. е. 22 мая) молодецким ударом XI-го и XLI-го корпусов, 40 и 42 гонведные дивизии противника сбиты с укрепленных позиций между Днестром и лесной полосой и отброшены к западу, потеряв более 6000 пленных, пулеметы и несколько орудий; Миткеу, Онут, кордон П. и высота 218 заняты нашими войсками. Приказываю: 1) Завтра, 23 мая, корпусам энергично продолжать выполнение задач, поставленных приказом моим 1475—2) 2-й бригаде 12-й пех. дивизии армейского резерва перейти в район Шиловцы—Малинцы; 3) из бригады 74-й пех. дивизии армейского резерва передать один полк в распоряжение командира XLI-го корпуса. 4) Сводному корпусу, в виду оттяжки с его фронта резервов противника против XI-го и XLI-го корпусов, действовать более энергично для содействия успеху XI-го корпуса. Ген. Лечицкий".

К $\frac{23 \text{ мая}}{5 \text{ июня}}$, очевидно, обстановка обрисовалась для штаба армии более ясно, и ген. Лечицкий спешно передает командиру XI-го корпуса бригаду 12-й пех. дивизии из своего резерва, категорически приказывая ему: *„взять высоту 458"*.

23 мая части XLI и XI корпусов, закрепляясь в только что занятых ими австрийских окопах, отбивали многочисленные энергичные контр-атаки противника, который спешно подвозил резервы на ст. Юркутц [1]), откуда они густыми цепями шли в атаку на наш фронт, будучи рассеиваемы огнем нашей артиллерии.

К вечеру этого дня *XI-му корпусу* удалось овладеть остававшейся еще в руках австрийцев вершиной высоты

---

1) В этом районе австрийцы провели железнодорожную ветку.

272 и взять 800 пленных; попытка захватить высоту 458, а равно продвинуться вперед в других местах не увенчалась успехом.

XXXIII-й, Сводный и III-й конный корпуса $\frac{24 \text{ мая}}{5 \text{ июня}}$ оставались на своих позициях, проявляя деятельность только своею артиллерией.

За 22 и 23 мая XI корпус (II и 32 пех. дивизии) понес значительные потери: убито 20 офицеров и 1719 солдат, ранено—72 офицера и 7550 солдат и без вести пропало 1390 солдат. Так же велики были потери и в наступающей на правом фланге ударной группы 3-й Заамурской пех. дивизии XLI-го корпуса убито 6 офицеров и 400 солдат, ранено 1200 солдат

$\frac{24 \text{ мая}}{6 \text{ июня}}$ *в районе XXXIII-го корпуса* австрийцы, теснимые 6-м Заамурским пех. полком, стали отходить на участке восточнее Дуплисского оврага, и полк вышел на линию Касперовце—Щитовце. К вечеру, части 2-й Заамурской дивизии достигли р. Днестра от Дуплисского оврага до Косьцельники, сменив части 74-й пех. дивизии, назначенные в армейский резерв. К вечеру австрийцы очистили левый берег Днестра на участке от Зыравка до Зазулинце.

В XLI-м корпусе разведчиками Ижорского пех. полка было обнаружено, что австрийцы оставили д. Синьков, бросив одно орудие и большие склады разного имущества. Части 3-й Заамурской пех. дивизии продвинулись вперед, дойдя до выс. 208, (южнее Бродек) и 224. В направлении к м. Окны продвинулась одна бригада Туземной Кавказской дивизии.

К полудню, части 3-й Заамурской пех. дивизии, под личным предводительством ген.-м. Архиповича, ворвались в укрепленное мест. Окна и овладели им.

В XI-м корпусе решено было еще раз атаковать высоту 458, но с утра дождь помешал начать артиллерийскую подготовку, и огонь удалось открыть только около полудня. Тем временем австрийцы атаковали окопы, занятые Камчатским пех. полком, который сам,

перейдя в контр-атаку, не только отбил их, но взял в плен 7 офицеров и 165 солдат.

Наше наступление на Погорлутц встретило сильное сопротивление и развивалось медленно. В районе же высоты 458 разгорелся жестокий рукопашный бой; овладеть удалось лишь треншеей на высоте 393, самый же опорный пункт на выс. 458 остался в руках австрийцев.

Со ст. Юркутц продолжали подходить к противнику подкрепления, однако можно было установить ослабление артиллерийского огня вообще и совершенное отсутствие огня тяжелой артиллерии.

В Сводном корпусе сделана была попытка атаковать „Нейтральную" гору, но атака не удалась и войска отошли в исходное положение. Австрицы с своей стороны здесь выпустили по нашим позициям волну ядовитых газов, и в 412 пех. полку от них пострадало 40 человек.

III-й конный корпус оставался на своих позициях.

25, 26 и 27 мая части IX-й армии употребили на закрепление своего положения в только что занятых австрийских окопах, на пополнение своих потерь и боевых запасов, а также на подготовку к дальнейшему наступлению, назначенному нижеприводимым приказом командующего армией на $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$.

„Противник, оставив на предмостных укрепленных позициях у Залещиков одну пехотную дивизию и наблюдая остальной участок Днестра по правому берегу конницей, сосредоточивается всеми силами между Днестром и лесной полосой, что к югу сс. Кучурмик — Доброноуц для противодействия нашему наступлению. Я решил прорвать расположение противника в общем направлении на Похорлоуц — Юркоуц. Приказываю:

1. XIII корпусу, с приданной ему 2-й Заамурск., дивизией и тяжелой артиллерией, атаковать противника и прорвать его расположение в общем направлении на ст. Юркутц. Два полка 3-й Заам. дивизии сосредоточить в районе Бабинце — Филипковце в моем распоряжении.

2. XI корпусу с приданной 12 пех. дивизией и бригадой 19-й пех. дивизии, прочно удерживаясь левым флангом у

выс. 458, атаковать противника совместно с XLI—I корпусом в общем направлении на м. Юркутц.

3. XXXIII корпусу с 1 Донской каз. дивизией упорно удерживать занимаемое расположение.

4. Сводному корпусу, сменив в ночь с 26 на 27 части III-го конного корпуса на участке ручей Хукей [1])—р. Прут, продолжать выполнять ранее поставленную задачу.

5. III-му конному корпусу выполнить поставленную ему особую задачу.

6. Начало артил. подготовки в XI и XLI корпусах в 4 часа, 28 мая. № 1580. Генерал Лечицкий".

Задача III-му конному корпусу излагалась в директиве № 1583.

„Из приказа № 1580 Ваше Сиятельство [2]) ознакомьтесь с общей обстановкой: приказываю вам с III-м конным корпусом 28 или 29 мая переправиться через Прут и захватить Черновцы. Дальнейшие действия корпуса, в зависимости от сложившейся к тому времени обстановки. Ген. Лечицкий".

Как видно из этого приказа, командующий армией совершенно отказался от атаки выс. 458, очевидно надеясь заставить противника очистить ее обходом в тыл и занятием такого важного пункта, как ст. Юркутц.

Как и в пред'идущие дни, артиллерийская подготовка атаки началась в 4 часа.

В XXXIII-м корпусе около 2 часов, 1-й Заам. полк преодолев несколько линий окопов и сильных проволочных заграждений, усиленных фугасами, прорвал расположение австрийцев от Дуплисского леса до Днестра и овладел д. Зыравка. 3-й Заамурский полк занял неприятельские окопы на участке Усечко-Звиняче, откуда австрийцы отошли под покровом темноты; наши части продвигались вперед при слабом сопротивлении.

На фронте XLI и XI корпусов, от Днестра (у вост. окраины д. Дорошуц) на юг до выс. 458 включительно с 10 час. 30 мин. завязался необычайно упорный бой ожесточенного характера. Несмотря на

---

[1]) Гукеу.

[2]) Командир корпуса граф Келлер.

сильный орудийный и пулеметный огонь во фланг, даже тыл наступающим и взрывы фугасов, 3-й Заамурской дивизией были взяты высоты 271, 251, 265; 74 и 12-я достигли линии—западная окрайна д. Дорошутц, выс. 260, Нахор, выс. 272 с двумя крестами (восточнее Тутры), выс. 260 (севернее Турлиска), г. дв. Влайко и, наконец, в 16 час. 30 мин. *32-я пех. дивизия, преодолев отчаянное сопротивление и жестокий огонь, взяла высоту 458.* XI-й корпус вышел на линию ст. Юркутц, м. Юркутц, Хорошовце и выс. 458.

74 пех. дивизия овладела окопами юго-западнее м. Окна, высотою 279 (у Погорлутц) и затем, позднее, тремя полками заняла м. Заставна, которое еще перед этим было очищено от неприятеля 6-м Заамурским полком. Когда этот полк, безостановочно преследуя отходившего противника, подходил к Заставна, на уровне его цепей шла 2-я батарея 1-го конно-горного дивизиона. Командир дивизиона, *полковник Ширинкин*, видя, что через м. Заставна спешно проходят беспорядочные группы неприятельской пехоты, а по шоссе через местечко уходит неприятельская батарея, и убедившись, что эта батарея за отсутствием вблизи нашей конницы несомненно ускользнет, решил бросить для преследования ее номера своей конной батареи. Без промедления, 60 всадников конно-артиллеристов во главе с офицерами, командиром батареи *кап. Насоновым* и самим полк. Ширинкиным ворвались в м. Заставна. Затем 40 всадников полк. Ширинкин направил для преследования пехоты, а капитана Насонова с остальными 20-ю за уходившей батареей. Первая группа, рубя и рассеивая отступающую пехоту, взяла в плен 150 человек. Вторая группа, в 20 конно-артиллеристов с кап. Насоновым, догнала батарею, прислуга которой отстреливалась из карабинов и револьверов. Батарея остановилась и сдалась только тогда, когда командир батареи пал с разрубленной шеей и были перестреляны ездовые и лошади головного орудия. Это была 3-я батарея 5-го Польского артиллерийского полка; в плен взято 2 офицера, 79 артиллеристов, 30 лошадей в полной запряжке и 4 вполне исправных орудия.

Неприятельская пехота, видя гибель своей батареи, открыла по нашим удальцам беспорядочный огонь, несмотря на который они вывезли взятую батарею целиком. При этом 2-я батарея 1-го конно-горного дивизиона потеряла своего вахмистра убитым, ранеными двух канониров и несколько лошадей.

Об этом „выдающемся случае действий конной артиллерии" ген. Лечицкий особо донес главнокомандующему, который ответил такою телеграммой:

„Благодарю пол. Ширинкина и кап. Насонова за их разумный и смелый почин и доблесть, а нижним чинам, участвовавшим в конной атаке — мое спасибо и жалую всем георгиевские кресты. Брусилов".

Этот геройский подвиг кучки наших конно-артиллеристов говорит о неисчезнувшей в русской конной артиллерии старинной традиционной доблести, но вместе с тем очень показателен для того неудачного распоряжения многочисленной конницей, которое красной нитью проходит через всю операцию „Майского" прорыва.

В Сводном корпусе 82-я пех. дивизия взяла Нейтральную гору и заняла главную позицию противника в районе кордона Савокриничного.

В III-м конном корпусе 10-й гус. Ингерманландский полк переправился через Прут у самой румынской границы против д. Вама и ворвался в нее, но впоследствии должен был ее оставить и даже отойти на свой берег Прута.

$\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$ *стало днем торжества IX-й армии, кульминационным моментом Майского прорыва*:—после 15-ти-часового, исключительного по своему упорству и ожесточению боя, войска XLI-го и XI-го корпусов опрокинули австрийцев, принудили их к беспорядочному отступлению и без передышки преследовали их по пятам, насколько позволяли силы выдержавшей такой тяжелый бой пехоты. К сожалению, у места прорыва из всей многочисленной конницы IX-й армии, кроме

корпусной кавалерии, оказался только Текинский конный полк, который прорвался к западу от Погорлутц и, преследуя бегущих, взял много пленных.

За $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$ *IX-я армия взяла в плен 1 генерала, 347 офицеров, 18.000 солдат,* 10 *орудий и много других трофеев.* Цифры эти могли бы возрасти до полного разгрома армии Пфланцера, если бы конница оказалась под рукой и не была, вдали от места боя, занята другими поручениями—*III-й конный корпус* попыткой захватить Черновиц, 1-*я Донская каз. дивизия*—удержанием позиций на левом фланге XXXIII-го корпуса, которым никто не угрожал, и *Туземная кавказская дивизия* (две бригады)—стоянием в резерве за правым флангом того же корпуса. Лишь одна бригада Туземной кавк. дивизии, перешедшая Днестр у Синькова, приняла участие в преследовании противника на правом фланге ударной группы.

Подвиг 60-ти конно-артиллеристов полковника Ширинкина и капитана Насонова наглядно показывает *что* могла-бы сделать многочисленная конница, вовремя выпущенная вперед за дрогнувшим врагом.

$\frac{29\text{ мая}}{11\text{ июня}}$ *в XXXIII-м корпусе* 4-й Заамурский полк захватил Добровланы.

В XLI-м корпусе авангарды преследовали отступающего всюду противника и выдвинулись к Кадобесты и Громада. 3-я Заамурская дивизия прошла Веренчанку и захватила выс. 312 южнее Звиняче. 74-я пех. дивизия заняла Котцман. Сюда же подошла 1-я Донская каз. дивизия и успешно атаковала противника у высоты 198 (у надписи „к *Дубивцам*"), заняла восточную окрайну д. Ошехлибы и взяла более 2.000 пленных.

XI-й корпус, безостановочно преследуя противника, достиг линии Вителювка—Садагура.

Сводный корпус также продвигался вперед.

III-й конный корпус продолжал попытки переправиться через Прут для захвата Черновиц, не имея однако никакого успеха.

$\frac{30\text{ мая}}{12\text{ июня}}$ *XXXIII-й корпус* перебросил 1-ю Заамурскую дивизию через Днестр у Добровланы и Ивани. Дивизия, сбив ариергарды противника и взяв более 400 пленных, отправилась на Городенка, куда вслед за нею продвинулась и Туземная кавказская дивизия (две бригады), принявшая на себя преследование австрийцев и забиравшая толпы пленных.

2-я Заамурская дивизия в 9 часов заняла ст. Стефанувка (южнее Залещик), Серафинце и Бабин.

В XII-м корпусе 12-я пех. дивизия заняла Шипенич и Лужан.

XI-й корпус, наступая к г. Черновиц, встретил сильное сопротивление у предмостных укреплений (у Денисивка), на всем же пространстве от Непоколоуц до Бояна (за исключением предмостных укреплений) австрийцы были отброшены за Прут. Мосты всюду ими были уничтожены, а вследствие прошедших сильных дождей, вода в Пруте поднялась и все броды закрылись. В боях на левом берегу Прута взято до 700 пленных, *из коих 500 пришлось на долю одной сотни Екатеринодарского кубанского каз. полка (корпусной кавалерии).*

С $\frac{22}{4}$ до $\frac{30\text{ мая}}{12\text{ июня}}$, *включительно, IX-я армия взяла в плен 1 генерала, 3 полк. командира, 754 офицера, 37.852 солдата, 49 орудий, 21 бомбомет,* 11 *минометов и 120 пулеметов.*

Прорвав позицию противника и опрокинув VII австрийскую армию, отошедшую в двух направлениях—частью на северо-запад к Коломыя, частью—на юго-запад за Прут, командующий IX-й армией ставит себе затем задачею, выставив заслон к стороне 1-й группы, разбить вторую и *отбросить ее в горы.*

В качестве заслона в направлении Коломыя—Кутты назначаются XXXIII и XLI корпуса, которые $\frac{31\text{ мая}}{13\text{ июня}}$ выдвинулись на линию Рашков—Городенка—Снятын, оставленный австрийцами. XII-й корпусу поручено было форсировать Прут на участке Непоколоутц—Лужан, а

XI-й корпус, к которому с $\frac{30\text{ мая}}{12\text{ июня}}$ отошли обе дивизии (82 и 103) расформированного Сводного коупуса, должен был перейти Прут между Лужан и Боян, взяв г. Черновци.

Начало этой операции пока не указывалось. Между тем Туземная конная кавказская дивизия и присоединенная к ней 1-я Донск. казачья получили приказание прикрыть расположение XXXIII и XLI корпусов и вести разведку на Станиславов—Коломыя и Кутты. III-й конный корпус, так и не выполнивший данного ему поручения, был притянут с юга к центру расположения армии и должен был выдвинуться в район Гвоздзец также с целью прикрыть вышеуказанные армейские корпуса и вести разведку в западном направлении, обратив особое внимание на Коломыя. Однако выдвинуться к Гвоздзец конному корпусу не удалось и он остался в районе Юркутц, Вербовце и Котцман.

4-го июня три роты XII-го корпуса перешли Прут у Завала и в тот же день вечером XI корпус взял предмостные укрепления у Денисивка, причем австрийцы успели сжечь мост.

5-го июня утром вся 12-я пех. дивизия переправилась через Прут и развернулась на его правом берегу, от Снятын до Непоколоутц, а вечером начал с боем переправу через Прут XI-й корпус и взял Черновиц. Первым переправился с своею ротою Новоузенского пех. полка капитан Самарцев и прикрыл всю дальнейшую переправу корпуса. Для преследования отступавших на юг австрийцев была выдвинута Терская казачья дивизия.

$\frac{6}{19}$ июня командующий армии двинул весь III-й конный корпус для преследования отступавших на Кымпул-лунг и Дорна-Ватра, причем он обязан был содействовать генералу Промптову, под начальством которого вновь был составлен отряд из 82-й и 103-й пех. дивизий и которому поручено было отбросить австрийцев за р. Сучава в горы.

XII-й и XI-й корпуса по распоряжению командую-

щего армией должны были приостановить дальнейшее наступление, так как большое удаление выгрузочной станции Новоселицы поставило их в затруднительное положение в отношении снабжения, и надо было выждать перенесения выгрузочной станции в Зучка у Садагура.

На это время XII-й корпус расположился в районе Чарторыя—Бербести, а XI-й—в районе Михальче—Каменна—Кучурмаре. XXXIII и XLI-й корпуса оставались на своем месте.

С $\frac{6}{19}$ по $\frac{10}{23}$ июня, на северном участке, XXXIII и XLI корпуса постепенно продвигали вперед свою конницу; 10-го—1-я Донская кавказская дивизия заняла Кутты и продвинулась еще вперед. Также продвигались вперед и пехотные авангарды. На юге отряд ген. Промптова $\frac{7}{20}$ июня перешел р. Серет и продвинулся на Петроуц—Корцешти—Фрадаутц—Гидикфалва, взяв в плен 5 офицеров и 135 солдат. III конный корпус в тот же день у Ронче—Церкоутц захватывает в плен 22 офицеров, 1000 солдат и 27 пулеметов; Терцы берут Радауц. 9 июня ген. Промптов выходит к Фалькей и берет еще 100 пленных, а III конный корпус занимает Гура-Гумора.

Покончив после занятия Черновиц операцию по оттеснению южной группы австрийцев в горы, командующий IX-ой армией решается разбить западную группу, сосредоточившуюся по данным его приказа, в количестве 60-ти батальонов, на линии Незвиска—Заблотов—Рознов, и отбросить ее к северо-западу. Эту задачу должны были выполнить XXXIII, XLI и XII корпуса, причем к последнему на этот раз присоединились основные дивизии—11-я и 32-я XI-го корпуса, который вместо них опять принял 82 и 103 дивизии и вместе с III-м конным корпусом получил задание обеспечить операцию армии с юга.

Впоследствии, 11-я пех. дивизия вновь назначается в свой XI-й корпус, и задача корпуса видоизменяется: в составе 11-й и 82-й пех. дивизий, бригады Тузем-

ной кавказской дивизии и одного полка 1-й Донской казачьей дивизии корпусу поручается наступать на Яблонов, Печенижын, обеспечивая фланг армии со стороны Сипоть-Приват и Устье-Путилла. Для обеспечения операции армии с юга остается одна бригада 103 пех. дивизии в районе Виков с авангардом у Фалькей, а а другая ее бригада присоединена к III-му конному корпусу.

В окончательной форме порядок наступления был установлен приказом командующего армией от $\frac{14}{27}$ июня № 1885:

„Для выполнения поставленной армии задачи приказываю:

1. XII, XXXIII и XLI-му корпусам завтра 15 июня перейти в 4 часа в общее наступление.

2. XXXIII-му корпусу ближайшей целью ставлю занятие рубежа Нежвиска [1]) выс. 340—Хаврилюк [2]) выс. 301 (севернее Дзуркув [3]). На этой линии корпусу закрепиться и ожидать дальнейшего приказания.

3. XLI-му корпусу ставлю ближайшею целью занятие рубежа 320—Лысагура—326—Подгайчики—Замулинце.

4. XII и XI корпусам во что-бы то ни стало выйти завтра 15 июня на линию Дебеславце—выс. 450—Площа—Писты [4]).

5. В случае отступления противника безостановочно его преследовать резервами, сосредоточив прочие части на указанных линиях, где привести их в порядок и прочно закрепиться. № 1885.

Ген. Лечицкий.

С 4 часов $\frac{15}{28}$ июня начинается новый период непрерывных боевых успехов IX-й армии вплоть до $\frac{28\text{ июня.}}{11\text{ июля.}}$ Рядом боев армия отбрасывает австрийцев за линию Тлумач—Отыня на северо-западе и за линию Микуличын—Селетин на западе, но $\frac{18\text{ июня}}{1\text{ июля}}$ ген. Лечицкий вынужден вновь приостановить наступление впредь до оборудования тыла, необычайно углубившегося и растянувшего свои пути сообщения на сотню верст.

---

[1]) Незвиска (10 вер. карт. изд. 1920 г.
[2]) Гаврилюк.
[3]) Дзюрков.
[4]) Пистын.

Авангарды были выдвинуты на линию Олеша—Коршув-Бяла—Крживорувня—Устье-Путилла.

Однако вскоре обнаружилось наступление противника на фронт Кобылин—Бяла; вместе с тем $\frac{21 \text{ июня}}{4 \text{ июля}}$ остальные армии Юго-Западного фронта перешли в наступление, а потому ген. Лечицкий $\frac{21 \text{ июня}}{4 \text{ июля}}$ приказал и своей армии вновь перейти в наступление в общем направлении на Тлумач, на севере, и на Делатын—на юге.

Наступление $\frac{22 \text{ июня}}{5 \text{ июля}}$ было очень удачно. Армия сбила австрийцев по всему атакованному фронту, но недостаток снарядов вынудил $\frac{23 \text{ июня}}{6 \text{ июля}}$ преостановить преследование до $\frac{24}{7}$ числа.

В этот день XI-й корпус сбил противника и преследовал на Делатын; но на юге у Жакобени и Кирли-Баба австрийцы превосходными силами начали теснить III-й конный корпус, и последний, равно как и 103 пех. дивизия, вынуждены были податься назад к Кымпуллунг и Селетин. Схемы 1 и 2.

Командир конного корпуса ген. Келлер был $\frac{16}{29}$ июня ранен и его заместил старший из начальников кавалерийской дивизий ген. Марков. В качестве свидетельства о том постоянном опасении, которое испытывало наше высшее командование за свой левый фланг, вследствие неопределенного положения Румынии, служит запрос главнокомандующего от $\frac{11}{24}$ июня генералу Лечицкому: *„почему ген. Промптов с своим отрядом так глубоко (Чудин—Стража—Сучава) продвинулся вперед и стал тылом к Румынии“*. Ген. Лечицкий поторопился успокоить его ответом, что это делается только для поддержки III конного корпуса и что теперь, после очищения Буковины, 82 пех. дивизия отойдет к Кутты—Лукавец, а 103—к Ней-Фрадауц для прикрытия левого фланга армии при наступлении ее к Коломыя.

Также весьма показательно, точно установленное имеющимися в делах Ставки сведениями, обстоятельство, что Австро-Германское высшее командование до 11 июня не прислало для поддержки разбитой VII австрийской армии ни единого солдата. Лишь с этого числа и до 20 июня к этой армии прибыли одна австрийская и одна германская дивизии с македонского фронта, но такое подкрепление, очевидно, не могло восстановить сил понесшей огромные потери армии Пфлянцера, к которой и маршевые батальоны стали впервые прибывать то-же лишь с 20 июня.

К 28 июня, когда затихли бои в IX армии, она докатилась до линии Олеша—Делатын—Ямна—Микуличын—Крживоровня—Капул—Кирли-Баба—Валепутна. Это тот предел, до которого дошла она одним почти непрерывным порывом с 22 мая. На этом и оканчиваются те ее боевые действия, которые по существу своему могут быть отнесены к „Майскому прорыву". Впоследствии, IX армия участвовала в ряде других боевых действий совместно с остальными армиями фронта, но лишь немного продвинулась еще вперед против границ, достигнутых в „Майском" прорыве; она заняла линию Станиславов—Надворная—Шибены—Пневе, захватывая по прежнему толпы пленных и трофеи, но эти действия уже не относятся к „Майскому" прорыву и выходят из рамок обзора именно „Майского" прорыва.

Очистив от неприятеля всю Буковину до Карпат, IX армия с 22 мая до конца июня взяла в плен 1.850 офицеров, около 82.000 солдат 84 орудия, 272 пулемета, 22 бомбомета и 11 минометов.

Точную цифру потерь самой IX армии за этот период установить не удалось, вследствие неполноты архивного материала, но в этом для существа дела нет настоятельной надобности, так как, судя по потерям всего Юго-Западного фронта за этот период, достигшим 292.000 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими, и по тому энергичному участию, которое приняла IX армия в многочисленных упорных боях за это время, можно без большой ошибки отнести на ее долю, по числу всех

армий фронта, не менее четвертой части этой огромной цифры, т. е. около 70.000 человек выбывших из строя. Из этого видно, что успехи на Юго-Западном фронте даже против австрийцев добывались не легко и оценивались не малою кровью доблестных войск.

VI. Действия конницы IX армии.

В составе IX армии к началу наступательной операции было, как это видно из таблицы „Боевой состав армии", 4—5 конных дивизии, т. е. масса в 17.700 шашек и коней, способная по своей численности к выполнению самых серьезных самостоятельных задач. Уже по одному этому боевые действия конницы за время „Майского" прорыва заслуживают особого обозрения.

Имея в виду, что позиция IX армии была растянута на 85 верст, из которых надо выделить почти половину на северный пассивный участок от Латач до Онут, где коннице не предстояло подходящей работы, остается всего каких-нибудь 40 верст, на которых конница могла понадобиться в том или другом месте, причем, находясь даже на самом крайнем фланге этого участка, вся конница могла сосредоточиться к любому пункту через 6—8 часов, а с флангов к центру через 3 часа.

Театр военных действий был гористый и лесистый, как-бы специально предназначенный для боевых действий большей части конницы IX армии, которая вместе со своими конями выросла именно в такой же, а быть может еще более суровой стране, чем Карпаты. Таковы были шести-полковая Кавказская Туземная конная дивизия, 1-я Терская казачья, два полка Кубанских казаков и Крымский конный полк.

По качествам своим Туземная Кавказская дивизия, составленная из добровольцев-горцев, сидевших на лучших кавказских конях, без сомнения, должна быть отнесена к числу отборных. Терские и Кубанские второочередные

полки по существу своего формирования мало уступали первоочередным своим полкам, по возмужалости же и стойкой доблести они, быть может, даже стояли выше первоочередных. Крымский конный татарский полк был укомплектован отборными всадниками. К числу безусловно лучших частей надо отнести находившийся в составе армии и жаждавший боевых подвигов Текинский конный полк—краса и гордость Мервского оазиса.

10-я кавалерийская и 1-я (первоочередная) Донская казачья дивизии—считались одними из лучших, наиболее работоспособных дивизий, уже успевших показать себя в предыдущих операциях и боях.

Во главе III конного корпуса был поставлен ген. граф Келлер,—начавший свою боевую карьеру еще на глазах Скобелева в качестве его ординарца, а в эту войну успевший хорошо зарекомендовать себя во главе 10-й кав. дивизии.

Многое говорило за то, что перед конницей IX армии во время этой операции откроется блестящее, чисто кавалерийское поприще, на котором она с'умеет показать себя достойной возлагаемых на нее надежд.

К $\frac{22 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$ конница IX армии, как и в других наших армиях, а равно в армиях наших врагов, с кавалерийской точки зрения бездействовала. В ожидании чисто кавалерийского дела, частью спешившись, стояла в окопах на ряду с пехотою на менее ответственных участках, а то отдыхала в резерве в более или менее далеком тылу. Кавказская Туземная дивизия была придана к XXXIII армейскому корпусу и по-бригадно стояла за ним в окрестностях д. Королювка. 1-я Донская казачья дивизия одною бригадою занимала окопы между XI и Сводным армейскими корпусами в лесу южнее д. Ржавенцы, а другая стояла в резерве III конного корпуса у Новоселицы, где был штаб корпуса. III конный корпус, в составе 10-й кавал. и 1-й Терской казачьей дивизий, спешенными частями кавалерийской дивизии занимал участок позиции по Пруту, имея Терскую дивизию в резерве.

Накануне $\frac{22\text{ мая}}{4\text{ июня}}$, бригада 1 Донской каз. дивизии была выведена из окопов и стала за XI арм. корпусом, куда подошла и другая ее бригада из-под Новоселицы.

Ни 22, ни 23 мая, когда бурным порывом вперед XLI и XI арм. корпуса прорвали первую сильнейшую линию австрийской позиции, 1-я Донская каз. дивизия не смогла выдвинуться в прорыв за линию нашей геройски наступавшей пехоты. Даже в приказе командующего армией на $\frac{24\text{ мая}}{6\text{ июня}}$ указано — 1-й Донской казачьей дивизии в составе XXXIII арм. корпуса упорно удерживать свое положение, т. е. держаться за линией окопов по Днестру и впереди Залещикских предмостных укреплений, что, очевидно, исключало всякую активную кавалерийскую работу.

Туземная Кавказская дивизия первые два дня наступления оставалась на своем месте, находясь за XXXIII арм. корпусом, и только $\frac{24\text{ мая}}{6\text{ июня}}$ одна бригада была придвинута к м. Окна, в ожидании падения этого опорного пункта, продержавшегося еще три дня после этого. При этом конница не могла прорваться вглубь австрийских позиций и бесплодно простояла в ожидании успеха своей пехоты.

III конный корпус, занимавший окопы юго-восточнее Черновиц, в первые дни бурного наступления и прорыва первой линии неприятельской позиции, всего в 25 верстах от нее, по директиве командующего армией получил приказ „удерживать занимаемую им позицию“, что он выполнял, стоя на месте вплоть до $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$, когда командир III конного корпуса телеграммой командующего IX армией от $\frac{27\text{ мая}}{9\text{ июня}}$ № 1583 получил особое, специальное поручение: *„из приказа № 1580 (директива для действия всей остальной армии на 28 мая) ваше сиятельство ознакомьтесь с общей обстановкой. Приказываю вам с III конным корпусом 28 или 29 мая переправиться через Прут и захватить г. Черновицы. Дальнейшие действия корпуса*

в зависимости от сложившейся к тому времени обстановки Генерал Лечицкий".

Во исполнение этого приказа корпус начал выполнение данной ему задачи переправой на правый, южный, берег Прута против д. Вама 10 гусарского Ингерманландского полка. Утром $\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$ полк с боем успел перебраться на ту сторону и атаковал д. Вама, в которую успел ворваться и занял часть деревни, выбив австрийцев. Но удержать за собою этого селения он не мог и даже был вынужден отойти за Прут в свое прежнее положение. Ни 28, ни 29 мая конному корпусу не только не удалось захватить Черновиц, но даже переправиться через Прут; очевидно, что данная корпусу задача оказалась ему не под силу.

Одного указания в приказе № 1475 „самым решительным образом использовать приданную XI корпусу конницу", конечно, было недостаточно, тем более, что в данном случае еще не было прорыва. Высота 458 задерживала продвижение вперед даже прекрасной пехоты, а рядом, нуждавшийся в коннице XL корпус не имел ее под руками; распорядиться 1 Донской каз. дивизией было некому. Командир III конного корпуса, которому надлежало бы быть в роли начальника всей армейской конницы, был далеко и имел совершенно не подходящую для конного корпуса задачу (оборонять окопы). Сам же командующий армией в такое горячее, моментами считаемое, время боев находился вдали, в Каменец-Подольском, в сотне верст от места действий и мог делать распоряжения лишь на другой день. И здесь вмешательство ген. Брусилова было бы необычайно своевременно и драгоценно; оно, правда, состоялось, но много времени спустя и так же бесплодно, как и в отношении атаки высоты 458.

Между тем за эти два дня в центре расположения армии совершились необычайно крупные события. $\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$ был справедливо назван „днем торжества IX армии" (дневник начальника штаба главком. юго-зап. фр.). Какое же участие приняла в этом „торжестве"

многочисленная и отличная по качествам своим конница IX армии?

Из описания боевых действий XI и XII арм. корпусов видно, что 22 и 23 мая их геройские усилия и успехи были остановлены сопротивлением опорного австрийского пункта на высоте 458. Надежда, что эта высота будет очищена австрийцами вслед за прорывом промежутка севернее ее, не оправдалась. Боязнь больших потерь при одновременном прорыве промежутка и атаке высоты 458 обошлась много дороже при последовательной атаке сперва промежутка, а потом и высоты; но доблестные войска названных корпусов решили опрокинуть встретившееся на их пути препятствие, не взирая ни на какие трудности и готовились к этому вплоть до $\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$, когда высота 458 была, наконец, взята, прорыв расширен и углублен. Подготовка к атаке ее не могла не быть известной штабу армии, и успех ее никак нельзя было признать совсем неожиданным. А при успехе прорыва, развить его и докончить поражение австрийцев могла лишь конница, которой было столь много в армии и которая находилась в это время всего в 20—30 верстах.

Распоряжения относительно конницы к этому моменту были таковы:

Туземная Кавказская дивизия еще $\frac{24 \text{ мая}}{6 \text{ июня}}$ направила одну свою бригаду к м. Окна, причем бригада перешла на правый берег Днестра у д. Синьков вслед за разведчиками Ижорского пех. полка и приняла участие в ближайшем преследовании австрийцев, отступавших из взятого частями 3 Заамурской пех. дивизии м. Окна.

Остальные две бригады Туземной дивизии оставались на своем месте до $\frac{30 \text{ мая}}{12 \text{ июня}}$, когда 1 Заамурская пех. дивизия, сбив противника у Добровланы и Ивани, дала возможность и Туземной дивизии переправиться у Ивани на правый берег Днестра, а затем принять участие в преследовании австрийцев на Городенка.

Каких-либо особо выдающихся успехов за это время в действиях Туземной дивизии нельзя отметить.

1 Донская каз. дивизия до $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$ стояла на месте, а на 28 мая была прикреплена к этому своему месту приказом командующего армией. Однако в тот же день приказом командующего армией сделано распоряжение о немедленной („с получением сего“) высылке дивизии по шоссе на Черновиц для преследования противника. Боевыми действиями в последующие дни дивизия была увлечена не на юг, а на запад, к д. Ханковце, где она $\frac{31\text{ мая}}{13\text{ июня}}$ вновь вошла в состав III конного корпуса и вместе с 10-й кав. дивизией несла, согласно приказа командующего армией, службу разведки на Коломыя и Кутты. По взятии пехотою г. Черновиц $\frac{5}{18}$ июня дивизия опять была отделена от III конного корпуса и присоединена к Туземной дивизии, с которою осталась для той же цели на том же направлении.

И в этой дивизии за эти дни не приходится отметить какого-либо выдающегося, резко заметного эпизода ее деятельности.

Из корпусной конницы успел выделиться Текинский конный полк, который $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$ прорвался через передовую линию противника к западу от д. Погорлутц; преследуя бегущих, изрубил и взял в плен много австрийцев.

Итак, в день торжества IX армии, т. е. $\frac{28\text{ мая}}{10\text{ июня}}$ ее многочисленная конница, будучи разбросана по всему фронту и имея разные другие поручения, в самом торжестве не принимала почти никакого участия именно в том месте, где ее появление было так необходимо.

$\frac{5}{18}$ мая одна сотня кубанских казаков Екатеринодарского полка настигла колонну противника у м. Сторожынетц, атаковала ее и взяла в плен 2 офицеров, 85 солдат и пулемет; в тот же день бригада Терцев настигла арьергард противника у Кучурмик и, рассеяв

его, захватила 400 пленных и 1000 повозок. $\frac{28 \text{ мая}}{10 \text{ июня}}$, как уже было описано, 60 конно-артиллеристов захватили австрийскую батарею.

Можно себе представить результаты хотя бы этих трех эпизодов, если бы тут под рукой было не 60 конно-артиллеристов и не сотня или даже бригада, а весь конный корпус. Надо думать, что австрийцам не удалось бы спасти свою артиллерию, и прорыв $\frac{10 \text{ мая}}{28 \text{ июня}}$ закончился бы еще более грозным поражением армии Пфлянцера, если не полным ее уничтожением.

$\frac{30 \text{ мая}}{12 \text{ июня}}$ III-му конному корпусу приказано, оставив свои позиции, а значит и отказавшись от ранее данного поручения, одну дивизию—Терскую казачью, передать в распоряжение командира XI-го арм. корпуса, а с другою—10-й кавалерийской—перейти за центр расположения армии к месту прорыва в окрестности д. д. Юркутц и Вербовце, чтобы быть готовым к преследованию отступающего противника после предстоящей общей атаки на Черновиц, по директиве от 30 мая № 1667. Тою же директивой в состав корпуса вводилась 1-я Донская казачья дивизия, и корпусу давалась новая самостоятельная, чисто кавалерийская, задача: *„1-го июня выдвинуться в район Гвоздзец (верстах в 60-ти в тылу передовой неприятельской линии, еще прочно им удерживаемой) и, прикрыв расположение XXIII и XLI арм. корпусов, вести разведку на фронте Кутты—Коломыя, обратив особенное внимание на Коломыю“*.

Взятие Черновиц и для пехоты оказалось делом не легким; только $\frac{5}{18}$ июня части XI-го корпуса после четырехдневных упорных боев взяли Черновиц.

К этому времени в составе III конного корпуса вновь произошло изменение: 1-я Донская казачья дивизия отошла от него и, будучи присоединена к Кавказской Туземной, получила задачу обеспечивать правый фланг армии. К конному же корпусу вновь вернулась 1-я Терская казачья дивизия; после взятия пехотою

Черновиц, III-й корпус получил приказ „*преследовать разбитых австрийцев и отбросить их за* р. *Сучава в горы*“.

На этот раз III-й конный корпус выполнил данную ему задачу, по пятам горячо преследуя бегущих. Он отбросил австрийцев за Сучава и $\frac{10}{23}$ июня взял с боя г. Кымпул-лунг, а затем на другой день м. Позорица—очень важный узловой пункт в верховьях Молдавы, к которому подходит единственная хорошая дорога вдоль Лесных Карпат из Кутты через Селетин на Кымпул-лунг. При захвате Кымпул-лунг, и Позорица III конный корпус взял 38 офицеров, 1.250 солдат, 11 пулеметов, 31 вагон, большие склады леса и других материалов; кроме того, впереди отступающих, на участке Стриптура—Рашка удалось взорвать 4 железнодорожных моста.

После занятия Кымпул-лунг, когда противник по словам приказа ген. Лечицкого от $\frac{12}{25}$ июня № 1857, был отброшен в горы, все усилия армии были направлены на север, на фронт Незвиска—Коршув, где сосредоточились главные силы VII австрийской армии. Тем же приказом на III конный корпус в составе 1-й Донской, 10-й Кавалерийской и 1-й Терской каз. дивизий и одной бригады 103-й пех. дивизии возложена задача „*выбить противника из района Якобени,* [1]) *где прочно закрепиться. Вести разведку на фронте Леордина—Быстриц. Выслать сильные партии для разрушения железных дорог и мостов на шоссе*“.

На этом можно бы закончить обзор боевых действий конницы IX-й армии за время „Майского“ прорыва. К тому же, в это время был тяжело ранен командир корпуса ген. гр. Келлер, во главе корпуса стал другой начальник, а вскоре и сам корпус вошел в состав „группы“, этого излюбленного нами импровизованного соединения войск, принесшего нам столько огорчений, запрещенного даже в основной директиве верховного главнокомандующего и все же практиковавшегося почти в каждой новой операции.

---

[1]) Жакобени.

В продолжении лета, конница IX-й армии все время работала частью отдельно, главным же образом в составе группы разных корпусов, пытаясь перейти Карпаты на юге от Жакобени к Дорна-Ватра и в центральной части на Шибены. Но отошедшие к этим перевалам части VII-й австрийской армии, подкрепленные, сначала частично, подтянутыми сюда австрийскими и германскими войсками с других фронтов, а затем и вновь сформированной XII-й армией, уже прочно укрепили свои горные позиции и упорно их обороняли. Прорваться за Карпаты в Венгрию наша конница нигде не смогла—было уже поздно, и что казалось легко достижимым тотчас после разгрома австрийской армии в мае и начале июня, теперь стало вне возможностей.

Итак, что-же сделала конница IX-й армии во время „Майского" прорыва, что она могла сделать и почему не сделала того, что можно было от нее ожидать по ее силе?

Конечно, в том блестящем успехе прорыва, в той массе трофеев, которые взяты IX-й армией и, наконец, в завоевании всей Буковины, известная доля участия, доля славы бесспорно принадлежит и коннице, но если отбросить работу и подвиги незначительных конных частей, до бригады включительно, действовавших в качестве корпусной конницы и лишь на—коротке около пехоты. геройски ломившейся вперед, бравшей на себя чисто кавалерийские обязанности преследования, то в качестве самостоятельной конной работы, достойной солидной силы, можно указать лишь на период преследования III-м конным корпусом с $\frac{5}{18}$ мая до $\frac{11}{24}$, т. е. со времени взятия пехотою г. Черновиц до взятия конным корпусом Кымпул-лунг и Позорица включительно.

Этот период чисто кавалерийской работы преследования и затем быстрое, с налета, при неотступном преследовании, взятие с боя двух весьма важных пунктов ясно показывает, что конница IX-й армии была способна на большие дела, раз она своевременно по-

лучала задачу и самая задача лежала в ее средствах. хотя бы и требовала исключительного напряжения сил.

Но почему же конный корпус не взял Черновиц? На этот вопрос ход дальнейших событий дал вполне обстоятельный ответ; он не мог этого сделать, потому что город лежал за серьезной водной линией, рекой, вздувшейся после ливней и закрывшей в окрестностях города все броды. Город был прикрыт сильными предмостными укреплениями, для подготовки атаки коих понадобилась бы наша тяжелая артиллерия, а у конного корпуса было всего две конных батареи. Наконец, вся пешая сила, нужная для атаки засевшей в окопах неприятельской пехоты, у конного корпуса исчерпывалась спешенными частями трех регулярных полков 10-й кавалерийской дивизии, ибо кубанские казаки льготной дивизии к спешенному бою были мало способны, и тратить такую драгоценную конную силу в несродном ей пешем бою было просто недопустимо. Попытка захвата города с тыла оказалась невыполнимой, ибо против единственного доступного места переправы через Прут, против д. Вама, конница наткнулась на укрепленный опорный пункт, требовавший для свего овладения помощи артиллерии, которую перекинуть на ту сторону, очевидно, не было возможности.

Сущность неудачи у Черновиц в том, что задание было не сообразовано с силами и возможностями конницы, которая однако все же бросилась выполнять непосильную работу и сделала все, что смогла.

Что касается несбывшихся надежд на блестящую работу многочисленной конницы вслед за прорывом австрийского фронта нашей пехотой, то в подходящие моменты, для незамедлительного начала такой работы, конницы не было под рукой, и она получала приказания явиться на место уже из штаба армии, который в полном своем составе с командующим армией во главе неотлучно сидел в Каменец-Подольском, за 120 верст от места боя. Несмотря на хорошее оборудование всякими видами связи, конечно, не могло не происходить запаздываний с указаниями, где быть и что делать коннице. Обстановка требовала молниеносного решения и

столь немедленного приведения его в исполнение, что это могло сделать только лицо ответственное, находившееся в непосредственной близости к месту происходящего боя, чувствовавшего, так сказать, его пульс. Находясь вдали и судя о происходившем лишь по донесениям, рисующим обстановку не текущую, а уже прошедшую, хотя бы и час-два тому назад, командующий армией пульса боя чувствовать не мог. Казалось бы, что ему следовало приказать командиру конного корпуса быть не при своем корпусе, а при командире XI-го арм. корпуса или вообще при командире того корпуса, который выполнял главную роль во всей операции. И это было бы, пожалуй, еще лучше, ибо, не связанный никакими другими обязанностями, имея полную возможность сосредоточить все свое внимание на том, чтобы не упустить времени ввода в дело своего корпуса, командир конного корпуса мог через 2—3 часа бросить свои части через прорванное пехотою место неприятельской позиции в любом направлении не только по горячему, но, если можно так выразиться, еще по пылающему следу.

Постоянное присутствие ген. гр. Келлера во главе своего корпуса, ранение его в бою, и то, и другое конечно, свидетельствуют об его выдающейся храбрости, но вместе с тем указывают на своеобразное и неправильное понимание им своего положения: командиры корпусов р*уководят*, но не *водят* корпуса в бою И вот, следствием такого неправильного понимания роли старшего кавалерийского начальника, как со стороны ген. Лечицкого, так и со стороны ген. гр. Келлера, многочисленная конница IX-й армии в блестящем прорыве сыграла столь незначительную роль.

VII. Результаты всей операции IX армии и выводы.

Закончив описание бесспорно блестящих боевых действий войск IX армии в длинный для непрерывных боев период с 22 мая до конца июня 1916 года, естественно приходишь к вопросам: *выполнила ли IX армия поставленную ей задачу, какие результаты были ею достигнуты, как они были использованы и стоили ли они тех тяжелых усилий и жертв, которые были положены в ее исполнение?*

Как видно из основной директивы Ставки, в той крупной операции, которая намечена была к выполнению весною и летом 1916 года, IX армия, как равным образом и весь Юго-Западный фронт, должны были играть вспомогательную, второстепенную роль. IX-ая армия, помимо того, и в частичной операции своего фронта и по положению своему, и по задаче не занимала первенствующего места. Ее действиям принадлежало лишь то несомненное значение, что ими начиналась вся операция, и от успеха почина IX армии, конечно, много зависел успех всей грандиозной наступательной операции нашего огромного фронта. Она должна была дать тон, настроение, не только нашему фронту, но и союзникам нашим, неминуемо страдавшим от продолжительного бездействия русской армии тем более, что в целях усиления последней они снабжали ее техническими средствами. Союзники с нетерпением ждали не только отвлечения неприятельских сил от Западноевропейского фронта, но, быть может, окончательного поражения их, а затем и близкого окончания войны.

Блестящий успех IX армии, а затем и всего Юго-Западного фронта, против австрийцев наводит на мысль, почему этого не предвидели, при больших и несомненных возможностях такого предвидения, и почему для главного удара был избран другой фронт и иное стратегическое направление?

Мнение о сравнительной легкости достижения успеха на Юго-Западном фронте против австрийцев у всех было на устах и в умах. Головокружительный успех операций 1914 года на этом фронте против австрийцев и, наоборот, неуспешность наших действий на других фронтах против германцев, ясно показывали сравнительную ценность в боевом отношении тех и других. Наконец, так хорошо нам был знаком славный путь к решительным победам по не остывшим еще следам нашего блестящего наступления и нашего вынужденного, не недостатком доблести, а иными причинами, отхода из Галиции.

Подробные ответы на эти вопросы вывели бы автора из рамок обзора действий только IX армии, и поэтому приходится ограничиться лишь несколькими строками, заметив, что в данное время и при данной обстановке решение Ставки относительно перенесения центра тяжести новой операции на другое направление и отказа от только-что пройденного и, казалось-бы, удобного для повторного удара пути по Галиции было целесообразно.

Наше ерзанье (да простят мне читатели это выражение) взад и вперед по Галиции едва-ли принесло нам пользу: у совершенно разоренного народа неминуемо складывалось о нас мнение, как о беспочвенных мечтателях, на верхах, и распущенных хищниках среди низов. Самое же занятие Галиции не давало и не могло дать нам никаких серьезных результатов: Австрия хотя и показывала вид, что ее обладание Галицией незыблемо прочно, все же не могла не знать тяготения Галиции к России и столь же давней мечты царской России—воссоединить Червонную Русь с Великой Россией. Не могла она не чувствовать, что рано или поздно это свершится, и разорение Галиции ей не было так болезненно.

Мы, начиная войну, очевидно, хотели и должны были нанести нашим врагам чувствительный, даже смертельный удар и для этого бить либо в направление наиболее чувствительного места, либо по сильнейшей части живой силы противника, т. е. по

германской армии. Галиция была далеко не „убойным" местом — это была часть Австрии, без которой она могла легко обойтись и давно была готова к ее потере. И вот мы рвали на клочки эту, не необходимую для Австрии, но драгоценную для нас самих, провинцию и трепали австрийскую армию, которая, как-бы нарочно для того, была предназначена Германией, оберегавшей собственную армию до поры до времени от столкновений с нами для более нужных ей успехов на западно-европейском фронте. Германская армия выступила против нас, когда мы уже сами поутомились и истощились в блестящих, но увы, бесцельных победах над слабейшим, подсунутым нам врагом, на которого мы так яростно бросались, тратя свои силы.

Конечно, Венгрия являлась более чувствительным местом в организме Австро-Венгрии, и от вторжения в нее мы могли ожидать более реальных результатов, но это все же не было чувствительным для Австро-Германии местом, и даже занятие нами Венгрии едвали решило бы участь войны, тем более, что попытка наша вторгнуться в Венгрию не удалась даже тогда, когда мы были хозяевами в Польше. Теперь же, там, т. е. в тылу той армии, которая действовала бы из Галиции, стояли уже германские корпуса.

Наступление же в Венгрию через Лесные Карпаты, имея на фланге и даже в тылу все еще колеблющуюся Румынию, было бы рисковано, помимо того, что, по мнению очень серьезных, преимущественно немецких писателей, армии, решившейся перевалить через Карпаты даже в средней наименее доступной части, предстояли значительные трудности.

Результатами боевых действий IX армии и геройских усилий ее доблестных войск были: завоевание в менее, чем месячный срок, огромной, богатейшей области и поражение VII австрийской армии, которая одними пленными потеряла до 82.000 человек. Даже принимая во внимание легкость сдачи в плен австрийских солдат, все же необходимо для полной картины расстройства армии Пфлянцера цифру эту увеличить

хотя бы еще на 25% остальными категориями выбывших из строя. И тогда нужно признать, что противостоявшая IX армии VII-ая австрийская—была почти совершенно уничтожена. Ни одного солдата из VII австрийской армии не могло быть отправлено в помощь другим армиям и, наоборот, при очевидном нежелании тратить свои резервы для ее поддержки, высшему австро-германскому командованию пришлось в половине июня прислать две дивизии хотя-бы и не с главных фронтов. Впоследствии, опасность развития наших действий у Дорна-Ватра вызвала распоряжение о сформировании в тылу этого перевала новой XII армии. Наконец, когда IX армия, стянув свои главные силы к правому флангу, развила наступление на линию Станиславов-Надворная, она этим значительно содействовала успеху соседней нашей VII армии и вынудила австрийцев подтянуть сюда свои резервы. Не может быть сомнения и в том, что успех IX армии не мог не повлиять самым благоприятным для нас образом на решение Румынии присоединиться, наконец, к нам в борьбе с нашими врагами.

Суждение о том, как были использованы эти результаты „Майского" прорыва на остальном Юго-Западном фронте и в Ставке в отношении общей намеченной операции, не входит в задачу очерка. Однако общеизвестно, что план этой грандиозной операции не был приведен в исполнение не по вине IX армии, которая, так или иначе, выполнила свою долю в общей задаче гораздо шире и полнее, чем это было предположено по смыслу основной директивы Ставки и таковой же директивы главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Что же касается наступления соседней VII и остальных армий Юго-Западного фронта, то влияние „Майского" прорыва IX армии не может быть оспариваемо. Хотя для усиления VII австр. армии ее соседи не дали ей непосредственно ни одного солдата, но энергичный натиск IX армии заставил их обратить серьезное внимание на направление Надворная-Станиславов и, конечно, ослабил силу противодействия наступлению нашей VII и других армий фронта.

В мировой войне роль командующего армией упала в той самой пропорции. в какой увеличились размеры воюющих армий и занимаемые ими фронты, и свелась к положению почти простого исполнителя распоряжений высшего командования без возможности выявления широкой инициативы. И это в особенности верно в отношении армий центральных, стоящих бок-о-бок с другими и потому связанных еще и обязанностью взаимодействия с ними. Несколько в иных и более счастливых условиях стояла IX армия накануне „Майского" прорыва. а) Сверху-свыше небыло никакого стеснения личной инициативы, так как ген. Брусилов был принципиальным и последовательным сторонником полной свободы действий своих подчиненных и врагом всякого давления в этом отношении. б) Представление заблаговременно разработанного плана предстоящих действий никак нельзя было рассматривать, как отступление ген. Брусилова от исповедуемого им принципа; конечно, он должен был знать планы своих командующих армиями, он мог и обязан был дать те или иные указания и советы, но он ничуть не изменил предположений ген. Лечицкого. Рельефный пример в этом отношении дают сношения этих лиц об атаке высоты 458:—по тем или иным соображениям ген. Лечицкий не предполагал атаковать этот сильный опорный пункт, несомненно имевший решительное влияние на оборону всего северного промежутка, намеченного для нашей атаки. Ген. Брусилов, очевидно, не согласный с доводами Лечицкого, лишь осторожно спрашивает его, когда он будет атаковать эту высоту. Он воздержался высказать свое мнение, когда Лечицкий, об'яснив свое решение, все же атаковать этой высоты не пожелал. К сожалению, на этот раз такая приверженность Брусилова к своему принципу невмешательства дорого обошлась IX армии. в) Фланговое положение армии, хотя и стесненное до некоторой степени неясностью политического положения Румынии на левом фланге, но прочно обеспеченное местными условиями и соседней армией на северном правом фланге, освобождало от тех стеснений, которое испытывали все другие армии. г) Условия театра

предстоявших действий давали простор выбору того или иного направления, выдвигавших высокий стратегический интерес. д) Заведомо слабый противник, своею организацией ясно показывавший отсутствие наступательных намерений, и, наконец. е) Прекрасная армия, полная численно, близко знакомая с победами и рвавшаяся вновь к ним.

Вследствие этого, к действиям ген. Лечицкого позволительно приложить более строгий масштаб и предъявить повышенные требования.

Итак, выполнила ли IX-я армия данную ей задачу?

Да, выполнила, если смотреть на дело только с формальной, так сказать, ученической точки зрения. Директивой Ставки от нее требовалось лишь тревожить противника на всем фронте, а главнокомандующий добавил условие—не допускать посылки подкреплений на итальянский фронт. Да, эти требования выполнены в точности, много превышающей даже самое широкое толкование задачи: противник не только был потревожен, но даже и вовсе разбит, и с фронта IX-й армии наверное не был послан ни один солдат кому-либо на помощь.

Но если глубже вдуматься в планы ген. Лечицкого и в ведение им всей операции, где он был совершенно самостоятелен, то оценка будет несколько менее благоприятна.

Перед IX-й армией стояла VII австрийская,—заведомо сборная, не предназначенная ни для каких наступательных операций и заведомо слабая, как численно, так и морально. Как таковая, она обретала свою силу сопротивления в своем техническом оборудовании: в умело спланированных, отлично построенных и обставленных окопах своей позиции, в большом числе хорошей полевой и превосходной тяжелой артиллерии, в громадном числе пулеметов и в изобильном артиллерийском снабжении всех видов огнестрельного оружия.

За VII-й австрийской армией стояла гряда Лесных Карпат, которая, прикрывая болезненно-чувствительную часть собственно Австро-Венгрии—Венгрию, слу-

жила вместе с тем и опорой армии, дополняя ее техническое оборудование.

Сам ген. Лечицкий в письме своем к главнокомандующему от 17 июня № 1934 пишет: *„Даже одна угроза нашего движения в Венгрию вызывает немедленно там волнения и заставляет высшее командование принимать спешные меры защиты вплоть до переброски частей с главных направлений в Лесные Карпаты“.*

Как уже говорилось выше, у всякого военачальника могут быть лишь два принципиальных плана, две цели военных действий: или уничтожение живой силы противника, т. е. его армии, или же удар по больному месту (т. е. занятие столицы или такой области или рубежа в стране врага, с потерей которых он не может дальше вести борьбу).

Какой-же план действий, какую цель ставит себе ген. Лечицкий?

Вся тактика и вся стратегия ген. Лечицкого как будто воплотилась в одно слово: *„прорвать“*. В этом слове и надо искать основу его планов. Сопоставляя понятие о прорыве с только-что сказанным, надо придти к заключению, что ген. Лечицкий избрал себе целью первую половину дилеммы: уничтожение живой силы врага. Но делал ли он это? Нет, не делал; он лишь прорывал позиции австрийцев, но не принимал мер к уничтожению их сил. Сам по себе прорыв не может быть самодовлеющею целью боя. Прорыв только начало какой-то операции, первый шаг по пути к выполнению намеченного плана (в данном случае уничтожения врага австрийской армии), к которому надо приготовиться, принять соответствующие меры и затем после прорыва решительно привести их в исполнение. И эти меры общеизвестны; первая, главнейшая из них— притягивание к месту прорыва всей наличной конницы, ибо она одна может и должна закончить поражение и сделать продуктивной тяжелую работу пехоты и артиллерии по выполнению самого прорыва.

В IX-й армии во все время „Майского“ прорыва ее многочисленная конница, (как досадно!), всегда, и притом не

случайно, была занята выполнением других свыше данных задач вдали от места прорыва. Ни разу, ни в один прорыв, которые так геройски, так настойчиво и уверенно проделывала доблестная пехота, окончательно разгромить и уничтожить разбитую австрийскую армию коннице IX-й армии не удалось, однако же не по ее вине.

Большое число пленных, взятых армией ген. Лечицкого, не отрицает этих доводов: сила армий Пфлянцера была не в людях, а в технике. Трудно установить точное число орудий VII-й австрийской армии в мае месяце, но, принимая во внимание обычную норму в 4 орудия на тысячу человек пехоты и зная, что в австрийской армии число полевых тяжелых орудий на много превышало наше снабжение, можно с уверенностью установить, что у Пфлянцера было не менее 500 орудий и он потерял из них лишь несколько более 15%. Все остальное он всегда успевал увозить и вновь ставить на новых позициях, прочно подпирая свою так быстро убывавшую пехоту, сохранив артиллерию к главному моменту—ко времени защиты непосредственно карпатских проходов в Венгрию, притом в числе, значительно превышавшем потребность в ней к тому времени.

Затем, как было уже сказано, главную опору силы австрийской армии составляли сами Лесные Карпаты; они прикрывали Венгрию. Зная всю чувствительность врагов наших именно к угрозам Венгрии, ген. Лечицкий никакой сколько-нибудь серьезной попытки в этом отношении не сделал.

Попытку перейти Карпаты у Ворохта мы уже раз делали, и она была неудачна при силах и средствах гораздо больших, чем были у Лечицкого. А затем, австрийцы обратили на этот перевал самое серьезное внимание и прочно укрепили его; значит вновь пытаться здесь переходить Карпаты едва-ли было целесообразно.

Также не стоило направлять больших сил и на Шибены, вследствие местных особенностей этого перевала и возможности упорного сопротивления противника малыми силами.

Перевал у Дорна-Ватра в начале „Майского" прорыва являл собою необычайно благодарную цель для действий IX-й армии: он, повидимому, не был вовсе или во всяком случае очень слабо укреплен; там не было войск ни перед ним, ни за ним. Он выводил в пределы Венгрии по хорошо оборудованному пути и от Кирли-Баба давал возможность угрожать вторжением направо—на Мармарош-Сигет и налево—на Быстриц.

Наконец, переход через него, несомненно, много ранее заставил бы Румынию решиться стать на нашу сторону.

Как далек был ген. Лечицкий от этих соображений, видно из его приказа после форсирования Прута: *„отбросить отступавших австрийцев за Сучаву в горы"*. Казалось бы, что, зная силу Лесных Карпат и бессилие австрийской армии без этой могучей подпорки, надо было поставить себе целью именно отбросить ее от гор, в которых они искали и не нашли помощи своему бессилию.

Впоследствии, когда у австрийцев было достаточно времени, чтобы укрепиться на этом перевале, Лечицкий пытался пройти его своею конницей, поддержанной бригадой пехоты, но было уже поздно. Что было легко достижимо вслед за падением Черновиц, то уже было невозможно впоследствии.

Такое же самое несовпадение распоряжений с достигаемой целью можно наблюдать и у Шибены, и даже у Делатын: IX-я армия гонит австрийцев к их крепким позициям в Карпатах, а не пытается отбросить их от них. И этим она ставит вновь и вновь перед собою слабого противника, не выхватывая у него его главного оружия—техники и Карпатских гор.

И так, блестяща была деятельность доблестных войск IX-й армии в „Майском" прорыве и велики были их жертвы, но она нуждалась в более искусном руководителе, в целях использования так дорого оплаченных ею успехов.

„Майский“ прорыв IX-й армии, покрыв славой войска, в нее входившие, не дал реальных результатов в ходе войны, если не считать толпы пленных славян, которых нам пришлось кормить, одевать и обувать, в то время, когда мы сами уже начинали ощущать недостаток и в питании, и в одежде, и, в особенности, в обуви.

Боевой состав IX армии к 20 мая 1916 года.

Приложение I-ое.

№ КОРПУСА	№ дивизии	Батальонов	Штыков (шашек)	Пулеметов	Бомбометов	ОРУДИЙ: Полевых легких	Горных	Конных	Конно-горных	Полевых мортирных	Тяжелых	Примечание
XI корпус ген. от артиллерии гр. Баранцев	11 полк 32 „ 19 „	16 16 16	15.500 15.500 15.000	49 50 47	44 45 20	36 35 47	15	— — —	— — —	24	35	Таблица эта составлена по „Боевому росписанию IX армии к 20 мая 1916 г.", имеющемуся в деле—Боевые росписания армий Юго-Западного фронта. Цифры штыков и шашек округлены в сотнях.
Всего в к-се .	три	48	46.000	146	109	118	15	—	—	24	35	
XII корпус	одна	16	15.500	49	—	18	—	—	—	—	—	
XXXIII корпус ген.-л. Крылов	1 Заам. п. 2 „ „	16 16	15.000 16.000	35 49	7 9	35 36	— —	— —	— —	— —	— —	
Всего в к-се .	две	32	31.000	84	16	71	—	—	—	—	—	
XLI корпус ген.-л. Белькович	3 Заам. п. 74	16 16	15.000 15.500	39 34	28 17	— 34	16 —	— —	12 —	— —	8	
Всего в к-се .	две	32	30.500	73	46	34	16	—	12	—	8	
Сводный корпус ген.-л. Промтов	82 полк 103 „	16 16	15.000 16.000	54 40	20 31	54 36	— —	— —	— —	— —	4	
Всего в к-се .	две	32	31.000	94	51	90	—	—	—	—	4	
III конный корпус ген.-л. гр. Келлер	10 кав. 1 Терск. 1 Донск.	24 эс. 24 с. 24 с.	3.700 3.300 4.000	8 — 8	— — —	— — —	— — —	12 — 12	— 8 —	— — —	— — —	
Всего в к-се .	три	72	11.000	16	—	—	—	24	8	—	—	
Туземн. кав. див.		36	4.200	—	—	—	—	—	12	—	—	
4 отдельных полка		22	2.500	5	—	—	—	—	—	—	—	
Итого в IX армии	10 п. див. 5 кав.	160 бат. 130 сот.	154.000 ш. 17.700 шш.	367	221	331	31	24	32	24	47	

ПРИМЕЧАНИЯ
к таблице «Боевой состав IX-й армии»

1) 19-я пехотная дивизия присоединена к XI-му корпусу из XII-го корпуса на время операции.

2) В качестве корпусной кавалерии XI-му корпусу был придан Текинский конный полк. Кроме того к корпусу на время операции была придана I-я Донская казачья дивизия из III-го конного корпуса.

3) В XII-м арм. корпусе в это время не было командира корпуса, и из его состава одна дивизия (19-я пех.) была передана в XI корпус, а другая (12-я пех.) со штабом корпуса оставлена в армейском резерве.

4) Ген.-лейт. Промтов был начальником 82-й пех. дивизии, и на время командования им Сводным корпусом при нем формировался временной корпусной штаб.

5) К началу наступления, в III-м конном корпусе на лицо состояли только две дивизии — 10-я кавалерийская и 1-я Терская казачья. I-я Донская находилась на это время в распоряжении командира XI-го арм. корпуса.

6) Туземная Кавказская конная дивизия к этому времени состояла при XXXIII-м арм. корпусе.

7) В числе отдельных полков значатся: Текинский конный полк, составлявший корпусную кавалерию XI-го арм. корпуса, 2-й линейный Кубанский казачий полк, состоявший при XII-м арм. корпусе, 2-й лин. Екатеринодарский каз. полк (Кубанского войск) состоявший при XI-м корпусе, и Крымский конный полк, приданный по дивизионно к XXXIII-му и XII-му арм. корпусам.

8) Кроме числа штыков, показанного в этой таблице, IX армия имела в это время 45,000 человек готового пополнения в своих запасных батальонах и еще 15,000 чел. пополнений были в пути, направляясь к армии.

9) Кроме показанных в таблице, в армии состояли еще следующие части:

а) 4 саперных батальона и 2 отдельных саперных роты.
б) 4 понтонных батальона.
в) 2 воздухо-плавательных роты, 1 авиационный дивизион.
г) 5 авиационных отрядов с 38 аэропланами, из которых исправных было только 20.
д) 1 радиодивизион и 5 радиотелеграф. отделений.
е) 1 мотоциклетн. команда и 4 мотоц. отделения.
ж) 4 автопулеметных взвода.
з) 1 автомобильная рота и 1 автомоб. команда.

10) Для тыловой внутренней службы при армии имелась одна ополченская бригада из 12 дружин с двумя конными сотнями и одною пулеметною командой.

„Техника и Снабжение Красной Армии“

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛ

АРТИЛЛЕРИИ, * БРОНЕВОГО ДЕЛА, * ВОЗДУШНОГО ФЛОТА, * ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ДЕЛА, * СВЯЗИ, ВОЕННОГО ХОЗЯЙСТВА, * ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, * КООПЕРАЦИИ и БЫТА КРАСНОЙ АРМИИ.

Под редакцией:

М. М. Аржанова, К. Б. Горецкого, Н. И. Доленко, К. А. Макошина и С. И. Петриковского.

Отделами заведуют по специальности:

А. Г. Алексеев, П. И. Баранов, К. Б. Городецкий, Е. К. Смысловский, Г. А. Серчевский, Б. Р. Терпиловский, И. А. Халепский, М. О. Шипов.

Адрес:

Редакция и Главная Контора—**МОСКВА**, Красная пл., Средние Торговые ряды, № 32.

„ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“

Еженедельный Военно-Политический журнал.

МОСКВА.—Б. Садовая (уг. Малой Бронной), д. № 4.

Под общей редакцией:

С. С. Каменева, В. А. Антонова-Овсеенко, П. П. Лебедева, Д. А. Петровского и В. П. Полонского.

„АРМИЯ и РЕВОЛЮЦИЯ“

Научный и Военно-Политический журнал.

ХАРЬКОВ.—Издание Военно-Редакционного Совета Украинского Военного Округа.

Петрообщит № 6239.

Типография Политуправления ПВО. Тираж 2500.

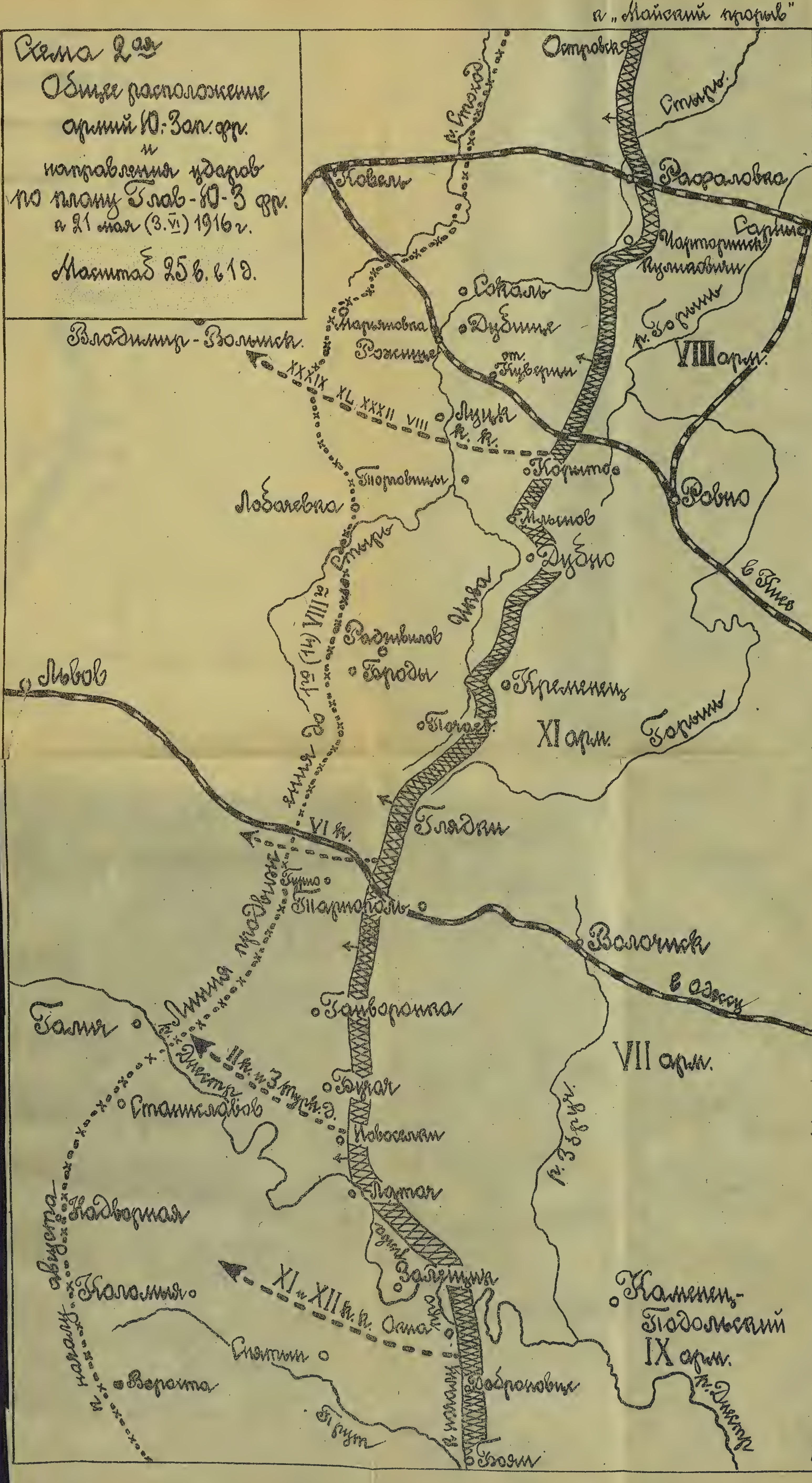
Схема 2ая
Общее расположение армий Ю.-Зап. фр. и направления ударов по плану Глав-Ю-З фр. к 21 мая (3.VI) 1916 г.
Масштаб 25 в. в 1 д.
к „Майский прорыв"
Островск
р. Стоход
Стырь
Ковель
Рафаловка
Сарны
Чарторийск
Кульковичи
Сокаль
Дубище
р. Горынь
VIII арм.
Марьяновка
Рожище
ст. Киверцы
Владимир-Волынск
XXXIX XL XXXII VIII
Луцк
к. к.
Корыто
Торговица
Ровно
Лобачевка
Млынов
Дубно
в Киев
Стырь
Иква
Радзивилов
Броды
Линия до 1-го (14) VIII
Кременец
Почаев
XI арм.
Горынь
Львов
VI к.
Глядки
Гумно
Тарнополь
Волочиск
в Одессу
Линия продвиж.
Гайворонка
Галич
Днестр
II к. и 3 тур. д.
Бучач
Станиславов
Новоселки
VII арм.
р. Збруч
Латач
Надворная
Залещики
XI и XII к. к.
Окна
Коломыя
Каменец-Подольский
IX арм.
Снятын
Доброновцы
р. Днестр
Ворохта
Прут
Боян
к началу августа

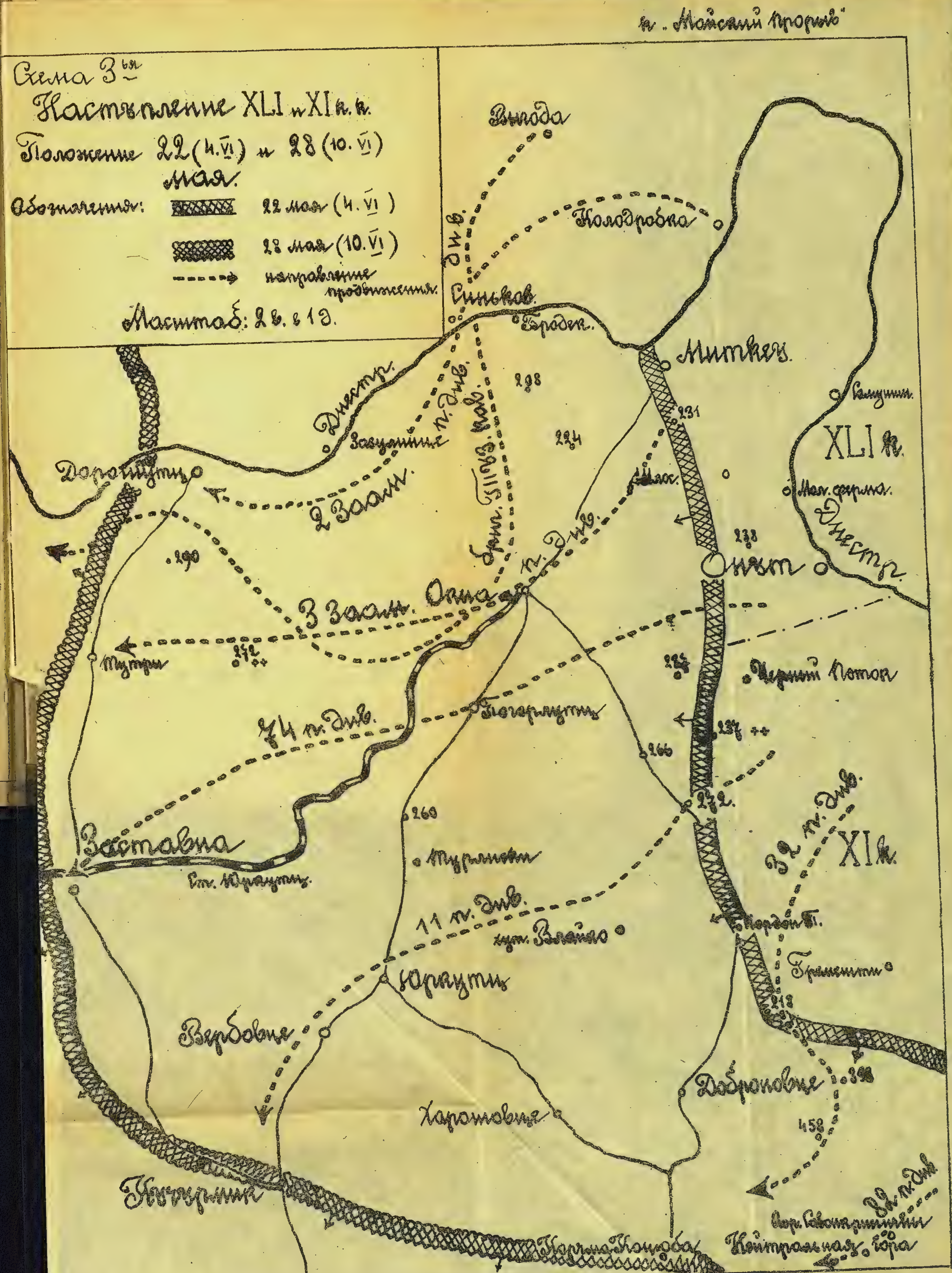
к. «Мойсий пророк»
Схема 3-ья
Наступление XLI и XI к.к.
Положение 22 (4.VI) и 28 (10.VI) мая.
Обозначения:
22 мая (4.VI)
28 мая (10.VI)
направление продвижения.
Масштаб: 2 в. в 1 д.
Выгода
Колодровка
Синьков
Бродек
Митков
Днестр.
XLI к.
2 Заам.
3 Заам.
Окна
Онут
74 п. див.
11 п. див.
32 п. див.
XI к.
Застава
Черный Поток
Вербовце
Доброновце
298
224
231
238
290
266
260
218
458

Схема 1ая
Район операции
„Майский прорыв."
Расположение сторон
в различные периоды операции
Условные обозначения:
русские к 22 мая 1916 г.
австрийцы " " "
" к 4 (17) июня.
Группировка корпусов IX армии к 6 (19) июня.
Расположение IX Армии в конце июня.
Направление наступления.
Масштаб-10 в. в 1 дюйме.
Коломыя
Снятын
Залещики
Городенка
XXXIII арм. к.
XXXIII к. 31.V - 10.VII
XLI к.
XLI корп.
XI корп.
XI к. 6-10.VI
XII к. 6-10.VI
Св. корп. 103 п. д.
III кон. корп.
1ая Заам. д.
2 заам. див.
3ья Заам. д.
32 п. д.
2ая бр. 12ой п. д.
1ая бр. 12 п. д.
Каменец-Подольский (Штаб Ген. Лечицкого)
Хотин
Днестр р.
Новоселицы
Прут
Серет
Сторожинец
Глыбока
Майдан
Селетин
Сучава
Радауц
82 п. д.
103 п. д.
III к. корп.
Вама
Молдава
Гура-Гумора
Кимпулунг
Ворохта
Яблоново
Коссово
Скала
Збруч
Смотрич
5456. г. Папуш
г. Гневе
Леордина 645 в. к западу от Г. Гневе